

ВРЕМЯ

Z

ЧЁРНЫЙ
Артур

**ПОСЛЕДНЯЯ
ПАТРИОТИЧЕСКАЯ**

Время Z

Артур Чёрный

Последняя патриотическая

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Чёрный А.

Последняя патриотическая / А. Чёрный — «Издательство АСТ»,
2023 — (Время Z)

ISBN 978-5-17-159847-1

«Последняя патриотическая» — это книга о ненастной военной осени 2014 года в Донецкой Народной Республике. Автор, непосредственный участник описываемых событий, рассказывает о судьбах людей, с которыми он жил и сражался плечом к плечу. О тех, кто в 2014 году оставил семью, работу и мирную жизнь, взял автомат и пошел защищать Родину. Это для таких, как они, за ЦУМом в центре Макеевки висел огромный, замытый дождями плакат — бородатый ополченец в тельняшке, с автоматом наперевес, и, точно огонь, слова: «Стань легендой! Армия Донецкой Республики». Какие люди! Какие судьбы! Вся жизнь — неслыханный шедевр. Нам жить сто лет и не дотянуться, не дорасти до них никогда. Никогда не стать этой легендой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-159847-1

© Чёрный А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Drang nach Osten!	6
В красноярских лагерях	8
No pasaran!	15
Беркут	20
У батьки нашего Махно	27
Все ночи, полные огня	32
На дне минских болот	37
«Пристань отчаяния»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Артур Чёрный

Последняя патриотическая: очерки и рассказы

© Чёрный Артур, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Мы никогда не знали поражения,
И, видно, это свыше решено:
Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!*

Drang nach Osten!

Кто не помнит, не знает или не слышал про 2014 год от Рождества Христова на Украине? Только немой, глухой и слепой – один, страдающий всеми тремя болезнями.

Так слушай в который раз!!! Слушай!!! Слушай!!! О Новороссии! О боях, о победах, о героях, о славе... Слушай, как падают на головы мины, как разбивает сердца свинец, как от огня и от слез вытекают глаза...

Для меня Майдан начался по телевизору в ноябре 2004 года в Грозном. «Рыжий Майдан», на который хотелось приволочь из Чечни пулеметы, покрошить на винегрет всю его «демократию».

Но пулеметы тогда остались без мяса. Майдан победил, а через месяц я закончил службу в Чечне. Прошло еще десять лет. Как они пролетели в моей судьбе – многого не расскажешь. Разве что без войны. Но я не поменял своих взглядов на эти майданы. Где вечно всё вело к катастрофе.

Вот и Украина разменяла десятилетие.

С кровавыми следами шел по Киеву новый 2014 год. Потому что вновь никто не решился спустить с привязи пулеметы, досыта накормив их новым Майданом. Забыв простое правило власти: убей тысячу – спаси миллионы! В феврале на Украине победил Евромайдан, проплаченный США. С закваской покруче. О которой первый не смел и мечтать. Куда уж там Ющенко и Тимошенко, что шестилетку подряд втихаря, под месяцем, ночью, обворовывали народ... Устал караул, и примчалась новая революция: Яценюк, Аваков, Турчинов, Ярош, Ляшко и Кличко... И если прежние шли с дубьем, то эти – с ружьем. И со всеми «европейскими ценностями» в мозгах, что не менялись из века в век: «Убей в себе русского!»

Через семьдесят лет взял реванш побежденный на Украине фашизм. Потому что умерли от слабости и от старости прежние его победители. Не было больше советских армий и советских солдат. И никого не пришлось сокрушать, кроме обезоруженного одинокого «Беркута» – единственного, кто вышел умирать под пули нацизма.

Слава спецназу «Беркут»! Слава бойцам, павшим за Украину, свободную от фашизма! Вечная слава бессмертной дружине «Беркута»!

Долой шапки, товарищи, когда повторяет память ИХ имена!

Киселевский Александр, Булитко Василий, Власенко Дмитрий, Гончаров Виталий, Евтушок Владимир, Иваненко Алексей, Савицкий Петр, Спечак Сергей, Теплюк Иван, Третьяк Максим, Федюкин Андрей, Цвигун Сергей, Захарченко Виталий, Зубок Владимир, Кизик Роман, Мирка Назарий, Михайлович Сергей, Симисюк Николай...

Пулеметы Киева не жевали мяса семьдесят лет. С той поры, как бежала от наступающей Советской армии по Крещатику и Подолу побитая нечисть Гитлера. Перепадало лишь единицам, когда в годы Чечни мать городов русских, на свой позор, подавала в руки террористам свой хлеб – снабжала чеченцев оружием и бойцами. И вот настало время вспомнить про них – голодных собак войны, что до костей износили пушечное сало на железных боках.

В 2014 году от Рождества Христова на престол в Киеве сели нацисты. Открылись нараспашку городские ворота и, взяв на Большую охоту железных собак, двинулась – Drang nach Osten! – восставшая из ада дивизия «Галичина». Покатились на восток фашистские батальоны.

Не стало больше такого государства, как Украина. А стало Темное царство, управляемое Соединенными Штатами Америки. И черная его тень накрыла весь славянский союз...

Я, русский солдат Чёрный Артур, участник антифашистского восстания в Донбассе, правом, данным мне павшими моими товарищами, объявляю со страниц этой книги на весь Русский мир:

НЕТ БОЛЬШЕ КИЕВА – МАТЕРИ ГОРОДОВ РУССКИХ!!!

Киев, наш отчий дом, захвачен фашизмом! И сам перешел на сторону Бандеры и Гитлера.

Долой злую ведьму, с издевкой продолжающую называть себя матерью!

**МОСКВА – ПОСЛЕДНЯЯ И ЕДИНСТВЕННАЯ МАТЬ
РУССКИХ ГОРОДОВ!**

Москва – это всё, что теперь осталось у нас от Русского мира.

Эх, русские! Держитесь крепче друг за друга. Не то упадете.

В красноярских лагерях

В дни второго Майдана на Украине я сидел в России в тюрьме. По всем бумагам я был на государственной службе в колонии строгого режима, где и сидел вместе с зэками за колючей проволокой. Они – всем отрядом в большой казарме на железных кроватях, я – в углу той казармы в своем кабинете, начальником их отряда. Когда-нибудь я напишу про это отдельную книжку, дежурную хронику похлеще любой самой страшной войны. Где главным будет, увы, не высота поступков, а больше мерзость с позорищем. Но все это будет потом, если не провалится в преисподнюю...

В феврале вооруженное меньшинство Майдана опрокинуло невооруженное большинство власти. Прошла зима. На Украине по всем медвежьим углам загребало оружие. Вставал на западе в полный рост фашизм, и на востоке поднимался ему навстречу антифашизм. Весной против Киева возмутился Крым, откололись Донбасс и Луганск. Началось антифашистское восстание народного ополчения.

В марте вернулся в Россию Крым.

В апреле ударили в дверь Донбасса первые сатанинские авангарды – каратели «Правого сектора» неонациста Яроша. За ними подтянулись и регулярные вооруженные силы. Да споткнулись – ни вперед ни назад – о Славянск. Завязали затяжные бои и просидели на месте вплоть до июля. Так против горсти ополчения Донбасса с самого начала села в лужу, что будет еще не раз, вся украинская армия, вся украинская рать.

Пыталась восстать и Одесса, да вот слабое это восстание сожгли заживо в одном пожаре. Сейчас эти истории еще на устах. Но скоро забудутся. А мы будем помнить, как 2 мая 2014 года на Куликовом поле в Одессе фашисты украинского «Правого сектора», «Самообороны Майдана» и прочая нацистская нечисть напала на безоружный митинг противников власти. Загнала их в Дом профсоюзов, где методично расстреливала из оружия, забрасывала ядовитыми газами и коктейлями Молотова. Падали с верхних этажей и разбивались насмерть, горели в огне и кричали живые люди...

Это был настоящий кошмар, сравнимый только со зверствами гитлеровцев. Это всё невозможно описать, это невозможно всем рассказать. И нет возможности перечислить убитых. Одни твердят: сорок восемь, другие молвят: триста пятнадцать. Говорить дальше у меня не хватает дыхания.

Сломалась Одесса. Так и не набрало здесь сил второе восстание.

Всё это я продолжал наблюдать из тюрьмы, кусая пальцы.

Я буду здесь честным. Сорваться и бросить всё мешали сомнения: уволят с работы, когда меньше года до пенсии; чем, если уволят, платить ипотеку, которая кончится через двадцать лет; взять отпуск – да точно, что не дадут; как ехать, с кем связываться, а если и ехать, то как перепрыгнуть границу; как бросить семью, когда на руках еще старший, а два-три месяца – и родится второй... Как всё это бросить?! Ведь не Чечня же, когда ничего не имел и оттого был свободен.

А тем временем с каждым днем ускорялись события, и от каждого выпуска новостей у меня опускалось сердце. Я сидел дома, спрятавшись за спинами зэков, когда гибли под напором фашизма молодые республики, когда эти нелюди бомбили кассетными и фосфорными бомбами города и бомбами убивало детей. Их показывали по телевизору – маленькие изуродованные трупы, с маленькими ручками, с маленькими ножками, окровавленные, обожженные... Кто постарше, а кто-то совсем младенец. Всё как в Беслане десять лет назад, в 2004 году. Когда я первый раз в жизни видел, как плакал русский спецназ.

Нужно было что-то решать, а я не мог разобраться с собой. Но плескался в груди огонь, и всё, что я сделал, – записал на видео обращение да выложил в интернет. Чем на пару дней облегчил, но не освободил душу. Я понял, что не могу ничего решить и оттого совсем потерял себя. Я, ветеран другой войны, сидел, сложа руки, когда рядом безнаказанно проливалась кровь.

Самое трудное в те дни было то, что, когда я оставался наедине с собой, ко мне приходила совесть, которая хозяином в доме – моей душе – садилась напротив и смотрела в глаза. «Обставил себя причинами, чтобы не ехать? Равняешься на других равнодушных?» – «Еще поеду, – расстроенный, успокаивал я себя. – А сейчас не могу».

А втихаря от совести говорил ей да.

Вот тот ролик из интернета, что имел историю больше, чем я ожидал. Сядьте, послушайте.

Мир вашему дому!

Я хочу, чтоб мой голос слышали все! Остановитесь! Послушайте!

Русские! Татары! Калмыки! Даргинцы! Сегодня в наш дом постучалась беда! Над Украиной развевается черное знамя фашизма!

Президент Путин! Не подведи! Мы верим в тебя! Я, ветеран второй чеченской войны, могу говорить от имени многих ее ветеранов. Путин, мы потеряли веру в тебя там, в Чечне. Потому что совсем не так, как мы ждали, закончилась эта война. Но сегодня, после Крыма, мы простили тебе все! Простили Чечне, потому что сегодня чеченцы стоят вместе с нами. Потому что идет гроза страшнее Чечни. Президент Путин, мы верим в тебя! Потому что

нам не в кого больше верить. Потому что распался, развалился на части наш великий и могучий Советский Союз! И мы оставили все свои рубежи. По всем нашим рубежам маршируют солдаты НАТО.

Мы оставили Югославию. Не помогли, не защитили. Там многие годы убивали наших братьев сербов, а мы только молчали на это, пряча глаза. Нет больше южных славян! Ушли к нашим врагам и больше не причисляют себя к славянам Польша, Чехословакия и Болгария. Кончились западные славяне. Разладилось у нас с Белоруссией. А вот и Украина скатилась в фашизм. Настала очередь последних славян.

Русские! Россияне! Быть может, кто-то еще не понимает или не видит, но мы остались одни на всей планете. У нас больше нет союзников. У нас больше нет ни одного союзника, кто бы поддержал нас на этой земле. Они были у нас в Первую мировую и во Вторую, а теперь все они, объединившись, стоят против нас. И расстановка в этой игре – со всех сторон проигрыш. И многие из нас уже пали духом. И многие говорят: нам не выстоять.

А я говорю: выстоять! А я говорю: стоять! Стоять, когда уже нет сил. Стоять, когда нет надежды. Стоять, когда нет смысла. Просто стоять, пока не свалимся замертво. Потому что у нас уже не осталось что терять. Потому что ставка в этой игре – существование нашей Родины!

Оставлен Белград! Оставлены София, Будапешт, Варшава, Рига и Вильнюс! А вот и Киев скатился в фашизм! Дальше отступать некуда. Позади Москва!

Товарищи! Не стройте иллюзий. Не думайте, что с Западом можно договориться. Никому не верьте. Наша сила только быть вместе. Сегодня к нашим границам вплотную подступил фашизм. И несет его не Украина, а несет его весь Западный мир. И они намерены довести эту битву до конца. Теперь то, что не доделали наши деды, досталось доделывать нам.

Мы разобьем фашизм! Потому что мы – русские! Если кто-то пал духом, если кто-то сомневается в себе, товарищи, вспомните только об одном! Вспомните единственное свое имя – РУССКИЕ!!!

Мы – русские! Мы получили славу от врагов наших, проклинавших нас. Мы – русские! И пусть не все мы русские по национальности, но все мы русские по духу. Наши враги называли нас русскими и сами дрожали от этого имени. Наши пращуры били железные римские легионы, наши прадеды стояли за Веру, Царя и Отечество, наши деды сражались за Родину и за Сталина, наши отцы умирали во Вьетнаме и Афганистане во имя интернационального долга. А мы стоим за Правду. И будем стоять даже тогда, когда отступят самые храбрые. Потому что мы – русские! Мы, кто создал величайшую в человеческой истории державу, которую еще носит земля.

Украинцы, отступитесь от своего! Не будет никакой Украины без России! У нас одна Родина. Вам не выстоять одним! Вас сметут! И вы нужны нам за тем же – чтобы выстоять. У нас когда-то был с вами Советский Союз, была Российская империя, которые мы не сберегли. И вот теперь мы продолжаем заливать наши родины кровью на радость нашим врагам.

Украинец! Мы не хотим с тобою войны! Помни: мы тоже славяне! Те, кто сегодня травливает нас друг с другом, извечные наши враги. Наш извечный враг с Запада, который хочет только одного – погубить нас. Он дрожит перед нами, когда мы все вместе, но погубит по одному. Всех до последнего. Те, кто останется, всю жизнь будут ползать в цепях в роли обслуживающего персонала «цивилизации Запада».

А поэтому будьте сильны! Будьте вместе! Товарищи, не малодушничайте, не отступайте, не прячьтесь!

Украинец, помни! Мы с тобой одной крови, ты и я!

Президент Путин! Поддержите этих людей, повернитесь на запад! Сегодня они с голыми руками идут против танков и авиации. Сегодня они ждут нашей помощи. Ждут нашу

Красную армию, которая – в этом ее историческая миссия – разнесет в клочья весь неофашистский сброд!

Украина! Героический Славянск! Одесса! Донецк! Луганск! Держитесь! Мы, русские люди, простые русские люди, всегда с вами! Что бы ни случилось, как бы ни повернула история.

Президент Путин! Мы переживем санкции. Мы не боимся угроз и лишений! Мы боимся только одного – позорного отступления!

Сегодня они грозят нам санкциями. Они грозят привести к нам несметные армии. Только пусть помнят, что мы защищаем свою землю. Кажется, последний раз на нее посягал Гитлер. Кто-нибудь помнит, что стало с его миллионными ордами?! Кто-нибудь знает, где они сейчас?! Пусть грозят привести к нам несметные армии... Пускай приводят. Большие убьем! Мы все еще ядерная держава! И мы умеем постоять за себя, если прижмут к стене.

Пусть Бог рассудит нас в этой борьбе!

Болит за Украину душа. Болит за нашу Украину душа. За ту Украину, которую отстояли когда-то от фашизма наши деды. Которую придется отстаивать нам.

Мир вашему дому!

Летом 2014 года, в самые тяжелые для восстания дни, я продолжал сидеть в тюрьме. Оттого, что в моей жизни все оставалось на месте, а там у республик сужались фронты и падала в пропасть вся Новороссия, я перестал подходить к телевизору. Потому что каждый раз меня словно спрашивали с экрана: «А где сейчас ты?»

Совсем ушел в работу и попытался заставить себя не думать об этом. Благо позволял коллектив, где рядовым было не до войны от новых указаний начальства, которое держалось единой прямой: главное – зона, все остальное – иные миры. «Мы и в Великую Отечественную служили здесь Родине!» – гордо отметил один полковник, просидевший здесь жизнь.

Единственными, кто с разных сторон переживал за всё это, были зэки, которые, презирая запреты, и по ночам включали тайком телевизор.

– Ну что, орлы, – выходил я утром перед ними во двор, – кто хочет в штрафбат, смыть кровью вину перед Родиной?

В ответ – разноголосье.

– Пиши всю пятую секцию! – гордо выступали одни.

– Не виноватые мы, – улыбался кто-то, – но воевать пойдем!

– На Луганск, начальник! – кричали в строю.

– Только если ты командир!

Конечно, кому-то была грош цена как бойцам, другие никуда б не пошли: воевать-то не воровать. Но многие из этих людей были искренны и действительно сели б в вагоны, когда собирали штрафной эшелон.

– Я командиром не буду, – улыбался теперь уже я. – Меня в первом бою в спину тут шлепнут. Я бы и сам некоторых отправил в расход.

И мне аплодировали за откровенность.

А днем отдельно от остальных ко мне всерьез подходили зэки отряда, синие от всех наколок, как изоленга.

– Когда нас?

– Никогда, – отворачивал я лицо. Потому что знал, каким будет следующий вопрос.

– А ты когда? – задавал его каждый, кто приходил.

– С вами уедешь... – уже для себя говорил я ответ.

Почему-то в то, что я должен ехать, верили все – целая зона в тысячу человек. Утром я выходил на плац или открывал двери камер, а мне оттуда – больную тему:

– Еще здесь, начальник? А мы тебя по телевизору ждем увидеть. А в отпуск пойдешь – поедешь?

– Зачем? – пытался я от них что-то скрыть.

– Сейчас это модно – ехать в отпуск в Донбасс.

Это были единственные люди, хоть и по ту сторону решетки, кто меня понимал. Мои сослуживцы пусть и были равнодушны, но считали все это нереальным и сумасшедшим. «Мы никогда туда не поедem. Мы ведь и правда всю Отечественную отсиделись по лагерям», – говорили они. Не понимая, что сами себе, а не зэки определили им срок.

К середине августа стало ясно, что идет к финишу концерт «Новороссия». В окружении зал, и по всей сцене свистят дикие пули. Дымит оркестровая яма и гаснет, словно электрический свет, едва взошедшее солнце. Готовятся стать новым Грозным Донецк и Луганск. Все кончено для республик. Оставлен Славянск, пал Краматорск, отрезаны мятежные столицы.

И вот 18 августа Новороссия перешла в наступление по всем фронтам. Пошли вперед, ломая фашистские шеи, русские батальоны – внуки и правнуки советских воинов-освободителей. И за несколько суток села в котлы вся хваленая армия «великих укров». И без того бичами гонимые в бой, показавшие способность воевать лишь при превосходстве один к десяти, бросая технику и людей, из Луганщины и Донбасса в панике катились в обратную сторону украинские фронты.

Надломилась в Донбассе украинская кость. Не вынесли русского сопротивления внуки Мазепы и дети Бандеры. Отстояли свой край от нацисткой нечисти шахтеры. Народная армия Новороссии – шахтеры и агрономы, строители и студенты, милиционеры и уголовники, юристы и бухгалтера, пекари и врачи... Люди по зову сердца шедшие в бой. Склонявшие над плахой голову, а не колени. Солдаты, ставшие при жизни легендой.

Побежала украинская армия. Заюлила от ужаса в Киеве вся фашистская хунта. Побелел розовощекий президент Петр Кровавый. Покрылись испариной лысины и залысины новоявленных геббельсов – яценюков, турчиновых и аваковых. Засверкали надвигающиеся с востока штыки, и, стуча копытами, в панике бросилась лизать хозяйские сапоги вся чертовщина. Зачесались грязные шеи, да заныли нечищенные рога. В те дни ползла на коленях, как на отрубленных ногах, в Белые дома президентов вся сатанинская секта. Ползла к своему Сатане, сутулясь от страха.

И загремело небо от возмущенного голоса лживых «мировых демократий» Запада и Америки. И от этого грома не дошли до Киева, не разбили цепи всей Украины, и не перевешали на площадях киевских гитлеровцев русские войска. Вновь показали русские всему миру никому не нужное великодушие.

Пятого сентября было остановлено наступление. Отползли на запад истрепанные лохмотья армии «великих укров». Россия собрала в Минске Киев и Новороссию, дав заключить перемирие. Лицемеры и ехидны – бандеровская прислуга – еще надменно торговалась за каждый проигранный метр земли. Словно не ее полки были в щепень раскрошены в Иловайском и Южном котлах, разбили лбы о двери обеих столиц. А едва только кончился «Минск», бросилась по миру с протянутой лапой – собирать подачки для новой войны.

Я просидел отступление, просидел наступление. Я не знал, как вырваться из тюрьмы.

В августе на меня донесли за видеообращение в помощь Донбассу. И один генерал поставил в углу доноса свою подпись и запись: «На аттестацию.

Уволить». На месте, в колонии, на общей планерке меня обвинили ни много ни мало в оскорблении президента, сказав писать рапорт на увольнение, потому что завтра в тюрьму, но уже зэком по тяжелой статье.

Из того зала все уходили шокированные: не каждый день судят человека за оскорбление президента.

– Зачем это сделал? – спрашивали меня.

– Родина в опасности.

– Какая Родина? – смотрел на меня как на блаженного один полковник. – Родина – она здесь! В тюрьме!

Кому, видно, и тюрьма – Родина.

– У меня видео твое в столе лежит. Я несколько раз его посмотрел. Там куча уголовных статей. Если пустить его в дело – сядешь! Сядешь за разжигание межнациональной розни, – по душам делился со мною другой.

Меня тащили на аттестацию, как «не справляющегося с должностными обязанностями» – вон куда вывернули.

– Дайте мне отпуск. Поищу себе место, – пришел я в кадры.

– Какой еще отпуск? Только через увольнение, иначе по отрицательной, – вертелась на каблуках одна кадровичка.

Пришел в управление кадров:

– За что увольняете?

– На жопе надо сидеть! Не высовываться, – свернул там очками другой кадровик.

На эти аттестационные комиссии я не ходил, благо знал результат: прочел на бумаге приказ генерала – «Уволить». Я сдавал кровь и получал за это отгулы в назначенные для судилища дни.

Но с каждым новым днем я все больше оставался один. Если поначалу кто-то подходил поддержать и не скрывал возмущения, то мало-помалу все тихо стали проходить мимо меня. Я шел каждый день на работу, а надо мной, я это чувствовал, висел приговор. Да, трудно стоять одному. Но я не переживал насчет этого. Меня бы хватило на год и на два, если бы не обстоятельства.

В один такой день подошел старый опер, всерьез дав совет: «Зашей карманы». Тогда я понял, что мне не устоять против этих низких людей. Что они готовы на все для следующего доклада: «Товарищ генерал! Ваше приказание выполнено! Уничтожен!»

Я, помню, сидел в кабинете на зоне и думал: «Как ты загнал себя в эту яму? Сколько ни выбирайся, только сильнее осыплются стены». Можно было искать виноватых, можно было пытаться и дальше вилить. Но сам собой пришел ко мне единственный правдивый ответ: тебе не устоять без Новороссии. Но и она должна была переходить века! А кто про нее напишет? Кто, кроме меня?!

Все просто решилось в моей голове: пожертвовать всем, оставить семью и работу и ехать на фронт.

В конце сентября я подал рапорт на отпуск с последующим увольнением по собственному желанию.

– Богато играешь. Не боишься переиграть? – спросил меня друг.

– Когда ставка – жизнь, не ставят вопрос о пенсиях и ипотеках.

В последний перед отпуском день меня вызвал к себе зам генерала по кадрам.

– Есть решение генерала – уволить. И оно будет сделано. Твой отпуск – последнее, что есть у тебя.

– Вы сами видео видели?

– Нет, – честно признался полковник.

Так, наконец, получил я свой отпуск. А рапорт на увольнение я отозвал почтой, и в зоне его получили. И оставили меня дальше служить.

Сложнее всего было врать семье. Сначала сказал, что в тайгу, а после, что на границу, пропускать гуманитарные грузы. И кажется, мне поверили.

Как было ехать туда одному? Какой дорогой и с кем? В Сети я нашел контакты, попросил анкету добровольца, заполнил и отправил по почте. И мне назначили место встречи – Ростов-на-Дону. Никаких тебе документов, кроме своего паспорта, ни – каких тебе медкомиссий, все на честном слове, что сам здоров. Я уезжал один, без команд и сопровождающих, сам по себе, собрав вещи: старую чеченскую «горку», ранец, разгрузку, еды на дорогу.

Я несколько лет отсидел в тюрьме и наконец, благодаря войне, мог уйти на свободу.

А еще пришло вдохновение. Оно куда-то пропало в последние годы. Все эти годы после Грозного я жил серой жизнью, с какой-то пробоиной в умирающей душе. Не было счастья. Семья и дети – они были счастьем, но не таким. Оказалось, я в Грозном обманул сам себя, поверив в семью. Потому что единственным настоящим счастьем в моей жизни был фронт. А семья – это тыл, крепкий, надежный тыл, составляющий счастье. Но его было мало для полного счастья.

Последние десять лет я жил в какой-то глуши. А я так не могу. Я должен гореть. Как звезда. Иначе я умираю.

У мужчин свое понимание счастья.

Мне нужно было повернуть свою жизнь. Пусть даже ценой самой жизни.

No pasaran!

В Ростове-на-Дону полицией был оцеплен вокзал. Позвонили хулиганы, что заложена бомба. Меня, в берцах и камуфляжной кепке, остановили прямо на перроне, единственного из поезда.

– Не в ополчение собрался? – подошли старший лейтенант и сержант.

– Да ну. На рыбалку приехал, – засмеялся я, протянув служебное удостоверение.

Те посмеялись, пожали руку и пожелали удачи.

За вокзалом встречали два плохих актера, игравших в войну в мирном городе, – Финн и Рей. Первый в куртке милиции, второй в камуфляже, с рыжей бородкой. Но у Финна не было глаза, что сразу исключало его из милиции.

– Я Ангара. Нормально доехал, – сообщил я о себе все важные сведения. Помолчал и зачем-то добавил. – Хвоста нет.

Здесь все звались по позывным, и редко кто знал имена. Я не стал менять старый свой позыв – ной из Грозного. Но лейтенант Ангара за эти десять лет стал майором.

1-я Интернациональная бригада юго-востока. А мы, ее бойцы, – интернационалисты. Только не Испания и не Афганистан. Все поменяло время. Все это не за границей, а здесь, в России. Все на добровольной спонсорской помощи.

База бригады. И штаб, и тыл в одном двухэтажном домике. Железные ворота, маленький двор, где уже загнил под ногами урожай этого лета – орехи и груши. Как-то все слишком уютно и по-домашнему для фронтового резерва.

Наша временная группа. Сборная солянка со всей страны. Десяток-другой человек добровольцев, что ждут отправки через границу. Завтра или через неделю.

В первый вечер мы сидим в курилке на улице, на лавках за большим деревянным столом. Сидим ровно грешники перед адом. Осень, темнеет рано, и кто-то запретил зажигать электричество. Плавает во тьме сигарета, и тянется в небо душными лентами дым. По разным сторонам стола сидят одноглазые – Финн и Пермь. У первого просто бельмо, а у Перми – экзотическая повязка пирата. Сидишь рядом с ними и чувствуешь дыхание с той стороны границы.

Веселый человек Пермь. Всегда улыбается, вечно в каких-то делах. Но веет от него какой-то чернухой. Я это сразу почуял особым чутьем. Что после и подтвердилось. Пермь занимался делами мертвых. Убивали нашего добровольца, и он ехал на место забирать труп, а если не успевал, то после откапывал из земли, укладывал и отправлял гроб в Россию. Спонсоры были.

– Пермь работает с «грузом двести»! Его здешние дела не касаются! – зло объявляет нам старшина базы Дедушка Рамзай, маленький человек с разбитым сердцем. У них здесь существовала какая-то своя, нам неизвестная возня и борьба за власть. – Так что кто хочет работать с Пермью – пожалуйста!

Рамзай подкуривает у Финна вторую.

– Когда успокоишься? Когда второй глаз выбьют? Этот-то где пострадал?

Финн долго молчит – видно, и вправду задумывается всерьез.

– На последней патриотической, – слышно наконец его севший голос. – А успокоюсь, когда голову оторвут, – уже полновесно добавляет он.

«На последней патриотической», – запомнил я слова Финна.

– Наемник он, Финн. Ему двадцать шесть, а у него уж четвертая война. А глаз ему летом на Саур-Могиле выбило, – объяснил мне Орда, когда тот ушел.

Орда – старый татарин, капитан, бывший оперработник милиции, уже под пятьдесят, сразу признал во мне друга и первым делом подарил спальный мешок за знакомство. Свой я оставил дома, как лишний груз, зато приволок тяжеленные резиновые сапоги. Потому что из прошлой войны больше всего запомнил бездонную чеченскую грязь.

– Каких только волшебников здесь не насмотришься! – предупреждал заранее Орда. – Был здесь один – Медвежонок. Круглый да коренастый, а на поясе по всему кругу ножи с топорами висят. Парень-то неплохой... Простой, видно же. Бабенка у него дома богатая, правда, с ребенком. Подобрала его, значит, оформила, а он, чтобы что-то себе доказать, сюда и подался. Я долго над ним хохотал: «Ты, знаешь, что тут не компьютерные игры?»

Но Медвежонок уже через неделю задержал на Луганщине диверсанта, за что командир на месте наградил его банкой сгущенки. А еще через полмесяца Медвежонок вернулся домой.

Информации по всем здесь хватало: у каждого телефон плюс интернет. Ведь не какая-то там чеченская в каменном веке... Украинская, двадцать первый век.

Два других аргонавта из прежней временной группы: Связист да Сапожник, для краткости – просто Связь и Сапог. Перешли группой границу, попали в какую-то местную охрану станицы, где их назначили в караул у склада вооружений. Даже не успели получить автоматы, да тех всем и не хватало. В первую ночь в охране восстание – против командира взбунтовались бойцы. Подошли к Сапогу со Связью, стволы в лоб: «Открывай склад!» Забрали, что было, и укатили.

Эти остались и первым делом поняли, что утром расстрел. Ну, все как по военным законам. Они же служили раньше в Российской армии: Сапог – пулеметчик, а Связь – офицер. Забыли, что не в России, растерялись и с перепугу спрятались рядом в саду. Даже не разбудили своего командира, тоже интернационалиста. Зато уволокли с собой пару товарищей.

Утром их нет – и всех сразу в дезертиры, как причастных к бунту. А вот это уже настоящий расстрел. Тут же прилетел какой-то отряд – зачищать всю станицу от мятежа. Всех, кто прятался в саду, довели до забора, поставили с поднятыми руками и до обеда расстреливали. Хитрее всех оказался боец, который попросил перед смертью молитву. Он так и просидел на корточках весь расстрел. Остальные стояли с поднятыми руками до онемения, упрашивая «карателей» перед смертью дать хоть минуту на передышку. Руки им позволили опустить часа через четыре. А после транспортировали обратно через границу с угрозой расстрела по возвращении. Никто не шутил. Так многих пустили в расход.

– И что, вы на новый расстрел туда? – сижу я, один некурящий за этим столом.

– Да тут уж как повезет, – стоит во весь рост обширный Связист.

– Да не хотелось бы... – улыбается во весь рот сухожильный Сапожник.

Еще одна группа до нас зашла под Луганск. Шли за войной, да угодили в перегонной. Дремучая деревня, где правит бал местный отряд обороны.

– Ну шо? Жрать хотите? Марш в поле металлолом грузить! – поставили им первую боевую задачу.

Вокруг по полям – сожженная украинская техника: БТР, БМП, машины. Приезжает какой-нибудь коммерсант на грузовике, загружается под завязку, на месте рассчитывается и через границу в Россию, где в четыре раза дороже сдает в пункте приема металл.

Переглянулись наши вояки: Господи, унеси! Позвонили в соседний отряд, где тоже интернационалисты, запросили мотор. Втихаря сложили оружие и вприпрыжку, через все огоры, на край деревни. Там уже ждут. Едва ноги унесли с этой передовой.

Следующим утром с Украины вернулся Горец. Воевал со Славянска, прошел весь Донбасс, был командиром разведгруппы. На груди лопатой черная борода. На берцах вместо шнурков белые капроновые веревки. Согнувшись, разувается у порога, а встал перед дверным косяком – будто пропал. И без того был гончей породы, а стал совсем пройдисвет. Закончил войну начальником блокпоста. Не пропустил контрабанду – машину с углем. В Чечне была нефть, здесь – уголь. Раз предупредили: не лезь! Снова не пропустил. Честный ведь, в глаза глянешь – всю душу видно до донышка.

Приехал за Горцем отряд, разоружил весь блокпост, а с этим справиться не смогли: он раньше борьбой занимался и вручную шестерых из отряда уделал. Только под стволом в Россию и вывезли. Напутствие, как и всем: «Еще раз приедешь – расстрел!»

– Что делать будешь? – раз в час спрашивает у Горца вся база.

Молчит.

– Едь, – говорю, – домой. Все-таки перемирие.

Сомневается. Но днем пошлепал на рынок покупать гражданские вещи.

Днем же уехал на границу Орда. Он был старшим нашей временной группы, но почему-то «оттуда» заказали его одного. Уходя, Орда оставил старшим меня. А еще утром я попал в местный наряд. И вот в обед меня вывел перед всеми Рамзай и с пафосом объявил: «Майор Ангара... Старший временной группы... Боевого опыта – как у дурака фантиков... Мы вам плохих командиров не даем...» А вечером, потому что в наряде, я мыл в доме полы и, выгоняя во двор подчиненных, объяснял непонятливым: «Это просто утро не так началось. Сначала я был уборщиком, а после стал командиром. И второе не отменило первого».

– Ну и что, что не был еще? А кого ставить? – возмущался днем на меня Орда. – Расстрельных? Так им там недолго жить. На хрен они нужны? Или Замполита? Он боевой, в Луганске работал в «Призраке». Но, сам видишь, раздолбай он: пожрать, поспать, поболтать да по бабам погулять... Остальные – пехота. Некого, кроме тебя!

– Это хорошо, что тебя командиром назначили, это понимать надо, – учил меня уму-разуму, сидя за борщом, Замполит, бывший старлей Российской армии. – Ты теперь не просто командир временной группы, ты теперь наш постоянный командир. Людей должен уметь беречь. Зайдем туда, попадем в какой-нибудь отряд, будут у тебя просить людей: «Дай туда

двух человек, у нас не хватает. Дай сюда троих, тоже нема». Это насовсем. А ты не должен давать. Не дам, мол, и все. Группу надо держать! У меня прошлый командир был железный. На него раз наехали: дай людей! Не дал. Второй раз не дал. И пропал он за это однажды. Совсем пропал. Без вести. Вместе с замом своим. Никто не знает, где он, – опускает он ложку в пустую тарелку.

«Чудненькая история», – понял я для себя.

Орда вернулся под полночь, когда уже легли спать. Утром был один человек, а сейчас их несколько. И все страшнее чертей.

– Там ведь не просто война, – сидит он ночью в курилке, зловещий и мрачный, с черными ямами на месте щек. – Там даже не первая чеченская. Там – батько Махно. Я такого бардака ни сам не видал, ни от других не слышал, – блестит он бельмами в темноте. – Кто тут собрался: «Сами зайдем... Поможем своим...» Границу перейдете – вас арестуют всех на хрен и посадят в подвал. Вот тебе и помог Новороссии. Меня одного не смогли провести, а вы всей толпой. Полдня прокатили по Донбассу и обратно в Россию швырнули, не довезли до места. Сорвалось... Думать надо! Сидим, думаем! Выход надо искать на своих, кто примет всю группу.

Орда коротко описал кусок того айсберга, который увидел за день. Но даже этот кусок впечатлял чудовищным размахом анархии. И поэтому каждому сама ползет в голову мысль: стоит ли вообще это все начинать?

– Короче... Надо ехать! – восхищенно произношу я в общем молчании, потрясенный тем, что ждет впереди.

– Ну, всё как у русских... «Надо ехать»... – макает в стакан сигарету Рамзай.

База существует на деньги спонсоров. Кто они, кому и что присылают, нам неизвестно и, честно сказать, безразлично. Но когда б не их патриотический запал, все покатило бы к черту. Потому что в 1-й Интернациональной развал и анархия. Создали ее безупречные идеалисты, они же отправляли первых бойцов на антифашистский фронт, а скоро, не удержавшись в тылу, и сами укатили в огонь.

Ополченец Бревно – один из бывших начальников базы. Провел лето в боях, в какой-то передрыге попал во вражеский плен. Взяли их прямо с оружием, снайперскую пару. Да не сработал непреложный закон войны – снайпера непременно в расход! Украинские вояки позарились на винтовки, втихаря присвоили их себе, а при передаче пленных командованию промолчали, кого привели. Иначе б пришлось отдавать и винтовки. Бревно обменяли позже на украинских пленных, живого и невредимого. Сейчас он, кажется, в России на отдыхе¹.

На базе висит на стене подписанная им «Памятка ополченцу» о конспирации: «Не выходить в город в военной форме... Не отлучаться без строгой надобности... В случае обнаружения слежки...» Да, шпионы из нас никакие. Что здесь за база – кому нужно, давно всё известно, но пока за нами не едут ночью черные воронки. И мы ходим в город в военном, как только приспичит, и вряд ли оглянемся, услышав шаги.

Бывают периоды, когда исчезают спонсоры, и бригада живет на подножном корму. Как раз наступили такие дни. Старшина Рамзай тряс каждого прибывающего на деньги. Встанет против тебя и смотрит, как штопор в бутылку вкручивает:

– Живем, хлеб жуем. Сколько у тебя на руках?

И ты честно – вокруг боевое братство, всё пополам! – отвечаешь:

– Ну, тысяч пять еще есть...

– Себе тыщу, остальное на кассу! На обратную дорогу, если что, соберем.

Со мной номер не прокатил. Я знал по Чечне, что такое «если что, соберем», и помнил, как по дороге домой несколько дней попрошайничал на аэродромах Ханкалы и Моздока, вылавливая попутный в Сибирь самолет.

¹ Покончил с собой зимой 2015-го.

– Ну, тысяч пять еще есть, – соврал я перед всем братством, оставив в карманах пятнадцать.

Многие приезжали просто без денег. В никуда. Словно обратно не собирались. На мои пять тысяч мы ели два дня. Потом Рамзай раскулачил кого-то еще. Главный начальник базы, он был главным ее горюшком. Провозгласив борьбу с пьянством, старшина на ночь замыкался в каморке под лестницей, где заливался спиртом под самую пробку, но не прощал подобного остальным, постоянно заглядывая в чужой карман.

– Кто там последний раз день рождения Перми справлял по саунам? – скрипел он зубами на участников недавней гульбы, что все еще были здесь. – Шестьдесят блюд на стол, шестьдесят под стол... Тут жрать нечего, а они пьют до зеленых чертей!

Когда нужно было и самому выйти в город, Рамзай напяливал поношенный свой камуфляж и черные лисьи очки.

– Главный конспиратор пошел, – показывал на него пальцем Орда. – Главное в конспирации – черные эти очки... Главное, туману побольше вокруг себя напустить...

В один из походов на рынок за провиантом к нам троим подходит женщина средних лет.

– Вы ополченцы?

Мы в форме. Горец с медалью под бородой, Док с георгиевскими ленточками над сердцем, я еще дома оторвал с камуфляжа нашивки Российской армии.

– Вам зачем?

– У меня муж ополченец. Я хотела узнать, можно ему туда-сюда кататься через границу с оружием?

– Мы в охране работаем, – обрывает вопросы Док.

На следующий день она же на рынке. Сразу к нам.

– Вы передайте своим!.. Вы передайте своим... – Подходит вплотную, и у нее истерика. Мы молча стоим. – Вы передайте своим, чтобы сдавали оружие! Чтобы разоружались! Нам нужно мирно с Америкой жить... Нам нужен с ней договор...

Но мы уже уходим. Она еще кричит что-то вслед.

– Мы твою Америку на дрова разнесем, – оборачиваюсь я к ней.

Беркут

Несколько дней мы собирались зайти. По-черному – ночью через границу с проводником, или по-белому – днем через погранпосты. Но с той стороны были проблемы с приемом: некому было брать группу. А идти наудачу, как в мертвое царство, никто не решался. «Там – батько Махно! – помнили мы слово Орды. – Арестуют всех на хрен и посадят в подвал. Вот тебе и помог Новороссии!»

А еще нужно было определиться, куда заходить – в Луганск или Донецк. Сошлись на едином мнении. В Луганске много центральной власти и более-менее относительного порядка, а потому – трясина. В Донецке нет никакой власти, а при хаосе проще плавать в мутной воде. К тому же в Донецке тянутся бои за аэропорт. Его не взял Моторола, по слухам, положив за три дня около семидесяти бойцов. И нам хоть прямо в аэропорт, лишь бы не в поле в окопы, воспитывать вшей.

А еще оказалось, нет ее, никакой 1-й Интернациональной бригады юго-востока. Это всего лишь красивая военная сказка, написанная для тех, что, прожив жизнь, до сих пор еще верит в справедливость и доброту. Верит настолько, чтоб идти за ними на смерть.

Хочешь стать воином-интернационалистом? Хочешь продолжить подвиг испанцев, монголов, египтян, афганцев? Вступай в ряды 1-й Интернациональной! Иди, сражайся за счастье других и будь счастлив, оставшись без своего. И знай, что, попав в эту сказку, ты тоже станешь сказочным принцем, царевичем и королевичем, в чью жизнь не поверит никто.

Нет ее, 1-й Интербригады. Она начинается здесь, в этом доме, но кончается сразу за выходом из дверей. Бригада не посылает своих бойцов в какую-то часть, батальон или город. Пройдя границу, они разбредаются сами, кто куда хочет, кому и как повезет, по всем рубежам Новороссии. И если где сбилась группа, они еще продолжают называть себя интернационалистами, а чаще забывают себя в бесчисленных местных армиях.

На связь с базой выходят бывшие командиры временных групп, освоившиеся на месте. Ни – где нас не ждут. Одним самим не хватает оружия, другие застряли в глубоких тылах, третьи ушли в запой по общей анархии, четвертые тупо сидят в окопах и не сделали ни одного выстрела, пятые едва собирают себе на хлеб, шестые сами с усами... Единственный, кто зовет в свою группу, в спецназ Новороссии «Беркут», Находка. Ушел с базы чуть раньше нас и где-то крепко схватился.

– У меня люди круглые сутки не спят! – нагнетает он обстановку. – Мы замотались на боевые ездить!.. Каждый день в бой... Дайте людей! Оружие есть! Кормежка есть! Казарма под крышей!

Раз не приглашают в Аэропорт, то лучше Находки выбора нет.

Мы уезжаем из города рано утром командой в девять бойцов в закрытом салоне «газели». На кочках подпрыгивают набитые вещмешки, спальные, а мы летаем вперед до дверей на каждом повороте дороге.

– Куда летишь-то?! Не чурки везешь! – отряхивается в углу Сапог.

– Америке невыгодно, с точки зрения долларовой политики, данное перемирие. У нее вся экономика завязана на поставке вооружений, – присев на полу, поднимает геополитические вопросы Хант.

Вставляют свои пять копеек Замполит и Связист:

– Временный стратегический расчет для наращивания военного перевеса...

– Необходимый, кроме того, для установления экономической блокады...

– Если такие умные, что вы, делаете среди пушечного мяса в этой «газели»? – ломаю я тему.

Речка в лесу у самой границы. Еще не вышел на связь Находка, и мы здесь открыли привал. На земле – хлеб и тушенка, минералка и вареная колбаса.

– Напиши про меня в книге! – упав на походном коврик, протянув до стола длинные тонкие ноги, пристал ко мне Замполит.

– О том, как тебя не научили хорошим манерам, свинья? – обходит кто-то его башмаки.

– Про это уже писали... Напиши о том, какой я талантливый замполит. Какой умный из себя офицер... – собирает он всё, что имеет.

Над лесом восхитительно плывет небо, теплое и голубое, словно сбежало из лета. Криво-накливо – всю жизнь на ветру, да так и не научился летать, – долго падает в зеленую воду золотой лист. Медленно движется время реки. Заросли кашкой и ряской ее берега, и забрала скользкая тина холодное дно. Сев у самой воды, неторопливо перебирает спички для большого пожара желтушная осень. Горят ржаво-красным зажженные ей вчера верха ясеней и осин. Катится гибель на сонный лес, а он, встав по краям берегов, околдованно смотрит желтыми глазами в зеленые струи воды.

Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть...

Погранзастиава российской границы. Мы в камуфляжах, разгрузках, с полными ранцами за спиной. Остановлены как невыездные Лоренц и Замполит. Ничего серьезного для препятствий, один пустячок: нужно оплачивать штрафы ГАИ. Оба стоят в десяти метрах до места, где кончается Россия, оглушенные поражением. Остальные сидят в десяти метрах за постом в сторону Украины и тоже не знают, что делать: контроль позади – когда так удачно зайдешь?!

Через пост пролетает мужик. В модных очках, с охраной и гонором – в два мешка не влезет.

– Кто старший группы? – ревет, словно маршал, а палец в перстнях и в наколках вперед себя вытянул: лети, мол, ко мне.

– Ты еще кто такой? – гавкает на него Орда.

Мужика как мухи уволокли.

– Кто это? – не понял Орда, куда он исчез.

– Блатовка по возможности. Есть возможность – блатует. Нет возможности – даже не дышит, – объясняю, лежа на ранце, я, единственный сидящий в тюрьме.

Блатной появился через десять минут. Подошел первым:

– Я замминистра обороны Хмурый. Какие проблемы, ребята?

– Помоги двоих провести.

– Сейчас уладим.

Больше мы его не видели. А Лоренц с Замполитом остались в России, оплачивать штрафы дорожной инспекции. Не знаю, заплатили они или нет.

Идем по ничейной полосе между двумя государствами. Оборачивается назад и размахист крестит себя Орда:

– Ну, бывай, матушка-Россия!

«Гляди-ка, татарин, – думаю я, – а сам православный...»

Изрешеченный металлом погранпост Украины. Превращена в сито железная крыша, на бетоне борозды от осколков разной величины. В небе флаг Донецкой Народной Республики, черно-сине-красное полотно, на пропуске людей и машин – военные в «горках» с георгиевскими лентами на груди. На дороге колонна, которой не видно конца. Беженцы, беженцы, беженцы... Грузные под завязку авто, из открытых окон и с крыш свисают тряпочные, перехваченные веревкой тюки. Отрешенные, безразличные лица людей. Прошла война, а они всё бегут – от безысходности, от хаоса, от грядущей верной нужды...

Они идут и идут навстречу тебе. Их сотни, за ними тысячи, а с тобой только шесть товарищей. У тебя еще нет оружия, и ты не знаешь, от чего бежали они. Но чем больше этих людей,

тем упрямей и тверже ты идешь навстречу потоку, в тот кошмар, который гонит их сюда. И ты больше не можешь, не имеешь права остановиться. А хочешь лишь одного – бежать изо всех сил через эту колонну против судьбы!

Бежать против судьбы!!! Не существует короткого пути к счастью. Когда ты не можешь мириться с несправедливостью, ты должен ее уничтожить!

Находка встретил нас на границе, помог погрузиться в «газель». К Макеевке – пригороду Донецка – мы подъезжаем уже в темноте. Черные глухие ворота, одноэтажная казарма «Беркута», фонари по периметру бетонного забора, еще не облетевшие деревья, два ЗИЛа и БМП во дворе, часовые под колючей проволокой ограждения.

– ...Укры идут в атаку. Одному отрывает голову, он даже не останавливается, бежит со всеми. Расстреливаем их в упор. Другому отрезало ноги, не падает, бежит на костях и смеется... – говорит с местным говором кому-то во тьме заместитель командира Спец.

Мы подходим ближе, молча стоим, докуривая до окурков сигареты.

– А их наркотой накачали. Мы после поняли, когда их окопы заняли: нашли обертки от американских пайков и сами пайки. Боевые пайки, наркотой напичканные. Трое суток действуют. А потом отходняк страшный... Я бы Яценюка с Ляшко в шахту на пару дней спустил – по-другому бы запели, голуби ясные... Я к ним в гости не приходил, мне Ивано-Франковск не нужен. У меня тут родина. Я сам в шахту лазил...

На кухне еще не остывший ужин, оставлен для нас. Газированная вода нескольких видов, шоколадные конфеты, печенье. В комнатах двухэтажные железные стеллажи, на них доски, матрасы и белые шелковые обрезы взамен простыней.

Здесь всё символично. Как всегда бывает после победы.

Про врага не говорят «украинцы», заявляют – «укры» или, презирая, «укропы».

– Не «великие укры», как себя объявили. Укропы вонючие! – плюет кто-то из местных.

Над входом в казарму веет зелено-голубой флаг российского ВДВ. «Десант непобедим!» приписано ниже. На рукавах у бойцов вышитые цветным шевроны отряда: российский флаг, в середине белая птица, поверху большими буквами «Беркут» и полукругом – «Русские своих не бросают!»

– Разогнали у себя «Беркут»! А он их здесь раздолбал!

У бойца на ремне автомата надпись: «И воздам вам за грехи ваши!»

В общем туалете казармы надпись на сливном бачке унитаза со стрелкой вниз: «Окно в Украину».

Россиян здесь чуть больше десятка. Остальные, человек семьдесят, все местные ополченцы. Рабоче-крестьянская народная армия, от шестнадцати до шестидесяти пяти лет. Так, видно, набиралась когда-то в семнадцатом Красная гвардия. Пришли добровольно бесплатно служить. Некоторые прошли еще Советскую армию, другие не служили совсем.

Кормятся за счет отряда и живут, по сути, в неволе. Дома нищие семьи. Сюда пришли в большинстве от отчаяния, в надежде, что когда-нибудь будет армия и что-нибудь будут платить. Стреляных, кто участвовал в последних боях, можно считать по пальцам. Оружия никакого, лишь несколько автоматов, с которыми ходят в караул. Формы у многих нет, ходят в джинсах и свитерах, с повязанной георгиевской ленточкой. Могут сходить в увольнение, но это по обстоятельствам. Живут здесь черт пойми как, и впереди у них черт пойми что.

А ставку на них никто и не делает. Нужны для количества. У командира Сочи россияне – ударная группа, имеют какой-нибудь опыт, хотя бы армейскую службу или ту же Чечню. Нас он вооружил первым делом. Выдал всем автоматы, досталась пара подствольников.

– Это оружие – мое личное! Кто потеряет или у кого отберут – сам к стенке поставлю и сам расстреляю! – хрипит Сочи сорванным голосом.

Здесь на каждом шагу прям как у Бунина в его «Окаянных днях»: «...а слово „расстрелять“ с языка не сходит».

Находка не слишком высокого мнения о местных вояках. Поставил ему Сочи задачу – взять под контроль двадцать километров донецкой трассы.

– У меня столько бойцов² не будет. Да даже если всех «чиполлин»³ поставить, все равно надорвемся! – возмутила его нереальность задачи.

Ара-Артур – армянин из России, воюет здесь с мая месяца. Легенда нашего «Беркута». Прошел сто дорог, потерял столько друзей. Свои по ошибке расстреляли КамАЗ с ополчением. Этот и с ним еще кто-то выжили, остальные, десятка три – намертво. Толстый, спокойный, сидит во дворе у ворот, держит во рту стебель осоки.

– Я жду, когда ордена на мертвых придут. Заберу их и поеду отсюда домой. Мне этот бардак на черта? Я честно воевал. А умирать за отжатый у кого-то джип не хочу.

Этой же ночью первый боевой выезд – в городе атаковали блокпост «Беркута», ранили командира. По коридору бежит с пулеметом Сапог, в дверях подгоняет неповоротливого Связиста Орда:

– Слышь, лейтенант, я в твои годы от пинка прикуривал!

На блокпосту стоит скорая помощь – «швидка допомога», – в ней сидит с бело-красными бинтами на голове ополченец. Никакого нападения не было, и командир даже не наш, не беркутовский – привезли медики с соседнего блокпоста. Там приехала к нему на пост контрразведка, вышел из нее один малый и говорит: «Ты, конечно, парень здоровый, но я здоровее».

² Россиян.

³ Ополченцев.

Давай-ка с тобой врукопашную разомнемся!» И для удовольствия нахлобучил командира по тылке.

– Здесь сто атаманов на один город, я говорил, – стоит в стороне Орда.

Вторая за ночь тревога. В машине Сочи несемся как на пожар. Что там стряслось?...

А ничего особого. Сидим в дорожном кафе «Шоколадка»: бильярд, боулинг, караоке. За накрытым столом весь боевой цвет Макеевки – ханы и атаманы. Картина из 90-х – сходка местного блатняка. Суется официант, на столе – шашлык, коньяк, водка; на пальцах и шеях гостей – золото вперемешку с наколками; на коленях – малявки лет по восемнадцать; за ремнями – огромные пистолеты, у кого сразу по два. Все воевавшие, все повидавшие...

Разговоры о взятии Киева – не меньше! Как будут делить!.. Мигает светомузыка, плывет сигаретный дым. Из своих – только Сочи да еще один, кого мы не знаем. Остальные – гости с Кавказа, некрещенные души.

Мы в полной боевой амуниции, с автоматами и гранатами, сидим на соседних столах – почетный караул русского спецназа. Во все углы нацелены заряженные стволы. Всё серьезно. Но здесь никого нет!

– Здесь нет фашистов! – озлобленно повторяю я Доку.

Через зал спешит опоздавший на сход «ветеран» – молодой кавказец лет двадцати пяти, накачанный, с модным пистолетом под мышкой.

– Добрый вечер, – поворачиваю я на него автомат.

– Я – вежливый лось... – негромко добавляет позади Док.

Тот аж побелел. Сует нам какой-то пропуск, подписанный ста атаманами, что-то лепечет.

Из-за занавески улыбается Сочи:

– Пропускай.

А как пропустили, за столом хохот:

– Ты что опоздал? Русские, что ли, арестовали?

Главный босс – Алик, воротила местного бизнеса, настоящий хозяин «Беркута» – отправляет Сочи с разведкой на «Синюю базу», проверить службу. Уходим вдвоем.

А на парадном выходе заклинили, не открываются двери.

– Сейчас прострелим! – примеривает Сочи к замку автомат.

По залу несется официант:

– Не надо, не надо!.. Есть другой выход.

Сочи лезет в карман за телефоном.

– Алик, – с подозрением оглядывает он зал, – будьте там осторожны. Это неспроста. Мы уходим через черный ход. Без нас – никуда!

Слышно, как в трубку отвечают: «Да прекрати ты!»

Сочи гонит машину, словно на ралли. Тормозит так, что кишки лезут в горло. Плохо до тошноты. На дорогах – полная пустота: в городе комендантский час. Вдоль улиц горят фонари, почти нет света в домах. Только мигают желтым на перекрестках светофоры. Огромный город – и никого. На включенной аварийке – условный знак для своих. Проскакиваем пару постов, где – автоматы наперевес – стоят ополченцы. Ручные фонари, затасканные камуфляжи, серые бороды. Прохладны осенние ночи, и уже многие надели бушлаты. Впереди зима, холод и грязь.

«Синяя база» – еще одна точка «Беркута». На въезде – синего цвета ворота, оттого и название. Здесь места побольше, и бойцов, говорят, сотни три наберется. И ребята другие, не сброд с базы Сочи.

На обратном пути подобрали каких-то сопляков: стоят на обочине, машут рукой. Повезли по домам.

– Вам сколько лет? – оборачиваюсь я в салон.

– Шестнадцать, – отвечает одна. – Я из дома хочу сбежать!

– Давай к нам! – тут же с хохотом находится командир. – Шашлык-машлык, боулинг... Караоке поедem петь!..

– Мы же без документов!

– Ты с кем едешь?! – уже оскорбляется Сочи. – С начальником гарнизона!

Высадили обеих у дома и возвращаемся в «Шоколадку». В подвале Луч, Находка и Док играют в бильярд. Официантка приносит кофе. Зовут ее Юлей.

– Юля, хочешь в книжку попасть? – беру я с подноса чашку.

– Это новый способ знакомства?

– Нет. Нам больше нечем расплачиваться.

– Забудьте...

Закуривает сигарету Находка:

– Только что пришла информация, что в Горловке пока отсутствует Бес – уехал в Россию на пару дней: какие-то людишки взяли штурмом банк, побрали золотишко и доллары. Надо готовить людей. Пятьдесят человек с базы. В три часа ночи едем зачищать Горловку.

– А сколько в той Горловке населения? – сижу я с кофе, не играя в бильярд.

– Пятьсот тысяч, – спокойно гоняет шары Находка.

– А войск?

– Тысячи нету...

– Каждому бойцу до утра десять тысяч мирных зачистить плюс после отбиться от двадцати военных?... Там ведь тоже свои атаманы?

– А куда же без них? – разводит руками Находка.

Где-то сквозь стену поет караоке. Легендарные шлягеры всех поколений: «Таганка», «Мурка», «Гоп-стоп»...

Мимо пролетает Алик.

– Его нам нужно в любом случае прикрыть! – показывает в его сторону Луч.

– Совсем тут заигрались в свои игрушки, – отворачиваюсь я ото всех.

Воровской сходняк героев Новороссии окончен. Сладко покушали, прочистили глотки – и вошь с ними. Провожаем за город этого, которого нужно в любом случае там прикрыть...

Алик-то ничего, подъехал к дому, пожал всем руки и хлопнул калиткой. А у Сочи думка своя. Подходит ко мне, поворачивает на прямую наводку прицел подствольника – и перегаром в лицо:

– Мочи сразу гранатами, если что!.. Я буду через тридцать минут.

Как говорил мой замполит в зоне: «До хрена делов!» – мочить полчаса гранатами.

Мы с Лучом оставлены распорядительным командиром у дома Алика, одной машиной «прикрывать» его на ночь.

– В восемь утра вас поменяют. Глаз не спускать! Мышь не должна проскочить!

Давно не светят в окнах огни. Я сижу под грушей напротив двора, в тени от огромной, на все небо луны. Плывут в высоте пропитанные зеленым сиянием облака. В фиолетовом застывшем лесу кружит вальс-бостон ночной листопад. По улице в разноголосье – чужие в деревне – поют свои песни собаки. А я сижу и повторяю, как в «Шоколадке»: «Здесь нет фашистов! А только разборки местных ханов и баев. И ты у их дворцов – бесправный дозорный пес, взятый за черный сухарь».

Над улицей стоит тоскливый протяжный вой, и Алик позвонил Сочи: мол, снимай свою пехоту. Нам звонит Находка:

– Оба в машину. Вас там что, кто-то заметил?

– Собаки, что ли?!

Утром машина засыпана опавшей листвой. Уже прошел назначенный час, и никто не приедет. «Мне нечем вас поменять. У меня никто дорогу до вас не знает», – проспавшись, объяснил по телефону Сочи.

А перед этим Док вызвался на замену:

– Командир, я доеду. Найду, поменяю. Только у меня прав нет. Это ведь ничего?

– Да я начальника ГАИ лично расстреляю, если тебя задержат! – замахнулся Сочи выше пьяной своей головы. – Но ты дома сиди.

У батьки нашего Махно

Прошло несколько дней, и мы понемногу втянулись в службу. Мы как-то сразу дистанцировались от «Беркута» и сделались другой кастой, которой мог касаться лишь лично Сочи, но которой не касался отряд. Так было легче – жить с отрядом, но наблюдать его со стороны. День полностью проходил в курилке и на кровати, а ночь собирала нас на какую-нибудь задачу. Оригинальную, как вся их республика.

Но с каждым днем в «Беркуте» от нас как будто уходили силы. Я видел, как менялись друзья, как понемногу пропадала их радость, сменяясь унынием, как из уверенных и сильных они делались молчаливыми и осторожными. Мы ехали сюда помогать, оставили в России все, что насобирали за жизнь – семьи, работу, дома, – а получилось, что всё это зря. За тридцать земель вместо судьбы воинов нам было уготовано место прислуги, а вместо линии фронта – казарма под крышей, где не было и стреляных воробьев.

«Завтра пойдем в атаку, добывать укропский котел, – собирал нас по вечерам Сочи для поднятия боевого духа. – Укропы голодные, холодные, им некуда деться: или подышать, или уходить с прорывом. У них с собой „грады“, техника, минометы. Вам бить одиночными – это экономит патроны и ясно, что свои: они всегда лупят очередями до последнего. Кому страшно, скажите сейчас, останетесь здесь. Это бывает. У меня у самого перед боем бывало. Это потом втянешься в бой, и вроде уже ничего. В бою побежите – сам расстреляю на месте!»

Мы получали гранаты, патроны и расходились готовиться. А командир проваливался в пьяный угар и через час был уже не в дугу. А день атаки сменялся днем похмелья и новым запоем.

– Я больше не могу так. Я не сюда ехал, – подходили мы поочередно к Орде.

– Я знаю. Всё знаю, – не знал он, что говорить, кроме правды. – Нас всех обманул Находка. У него не хватало людей в свой отряд. Он просто купил нас за одно обещание фронта. Мы ведь не знали, что станем товаром.

И кто-то уже ходил на вокзал, узнавать про билеты обратно домой.

Мы все опоздали сюда. Мы по разным причинам не приехали в срок, а теперь уже поздно махать кулаком. Мы опоздали сюда, и этого не исправить.

Сидят во дворе за столом курилки, шурясь на солнце, полувековые люди.

Орда – соленая на голове седина, зачерневшие от табака зубы, высокий и статный, со смуглым татарским лицом. «Да русский я, – улыбается он. – Лицом лишь не вышел. Меня всю жизнь так припутывают... Хорошо я пожил. И военным был, и опером в милиции работал, до капитана дошел, на пенсию вышел. Сыновей воспитал... Отца схоронил. Мать дома осталась за детьми приглядывать. Я уж давно разведен. Хорошо я пожил. Всё у меня сделано в прошлом: и дом есть, и дети в гору пошли. Идти в жизни уже больше незачем. Сиди, смерти жди. Не буду я ждать. Потому сюда и поехал. Есть еще силы и для жизни, и для войны, а тут уж посмотрим. Останусь я здесь насовсем. Пойду в милицию, мож... Пенсию свою я матери оставил, не переживаю теперь за нее. Самому ничего не нужно. А на сигареты себе как-нибудь заработаю...»

Луч – всю жизнь за баранкой, безвредный водила с помятым, как у пьяницы, лицом. И всю жизнь, какая досталась, вечный денщик какого-то генерала. Приехал сюда, стал снова водителем на извозе, а больше ничего и не надо. Доволен и спокоен судьбой. Уже в привычке что-то ворчать, наставлять молодых, медленно и тепло одеваться, засыпать под гудение телевизора. «Прошел день – и мне спокойней, что всё хорошо. Завтра проживем – и славно тебе», – никогда не противился он судьбе. На политическую и военную обстановку смотрел как на необходимый порядок вещей: «Тут и „Беркут“ в городе, и „Оплот“, и „Восток“, и „Сатурн“, и много еще этого зла...»

Кощей – маленький, тонкий, подвижный, словно и вправду из сказки. Задумчивый мудрый взгляд, и слова щипцами не вытянешь. Бывший офицер-афганец. Сам он свою историю рассказывал один раз, и я узнал о ней через третьи уста. Нагадали Кощейю врачи смерть на конце иглы. А игла та в яйце, а яйцо – в зайце, а заяц – черт знает где... У Кощея многолетняя язва, и вот идет дело к развязке. Другой бы стал горевать, вымаливать лишний день, а этот, верный закалке, собрал вещи и подался сюда, где смерти долго не ждут. Не его вина, что попал к Сочи. Уже здесь упал с обострением, попал в хирургию, да снова в строю. «Ангара, говорю, – смеялся Орда, – ты Кощея в больницу ходил навещать? Как он там? Жить будет? А Ангара мне: мол, а что с ним сделается? Он же Бессмертный!» С тех пор за Кошеем завелся второй позывной.

Заспанный, руки в карманах, вышел я из казармы.

– Что, писатель, – двигается для места Орда, – какие успехи?

– Глава две тысячи двадцать вторая, «На Западном фронте без перемен», – безнадежно машу я рукой.

При переходе границы на пропускной приметил Орда молодую деваху: лицо так себе, ничего интересного, но длинные, как тень на закате, ноги, и наполнена до краев грудь. «Док, оцени!» – привлек он бойца. «Десять баллов», – едва взглянув, дал высшую оценку Док.

И вот прошло лишь несколько дней.

– Ты взял самую высокую шкалу, Док, – сижу я теперь в курилке напротив него. – Это правильно. Но тогда не было выше оценки, и никто не знал, что она будет. Но, Док, прошло время, и сегодня я бы дал той девочке двадцать по высшей шкале. А завтра ты дашь уже пятьдесят. И так, пока мы не вернемся обратно. Здесь другие расценки, Док...

Всё люто тут, в «Беркуте».

Рядом метет плац «робот» – пленный из своих, на местном жаргоне. Сидел ночью в подвале, сейчас выпустили на шрафработы. Нагибается подобрать у урны бычки, его бьет сапогом часовой:

– Медленно движешься!

Мы смотрим, не вмешиваемся. Откуда такая жестокость?

– Слышь, друг, за что тебя? – окликает его Орда, когда уходит боец.

– Они говорят: за пьянку! – еще не остыл от волнения «робот», обычный парень, крестьянин или рабочий. – Нарушил, мол, комендантский час и сухой закон республики. Жена вчера сына родила уже в полночь, шел с роддома домой, по дороге выпил бутылку пива – его-то продают при этом сухом законе!.. Меня хватают и тащат – «У нас недельки две посидишь!» За что?!

Местные делятся на две касты: вояки и «роботы». И из первых очень легко перейти во вторые. Не спасают никакие заслуги.

Ночью ушел с поста начальник караула. Третьи сутки в наряде: забыли сменить. Догнали, схвати – ли, разоружили – и в подвал, в «роботы». Утром, уже без ремня, китель навывпуск, разгружает на кухне продукты. Его боец пришел из увольнения с запахом перегара: пил дома вчерашним днем. Выбили зубы, дальше – «робот», подвал. Но рядовой оказался покрепче начкара: «Я, – говорит, – выйду отсюда, так вам, твари, не только зубы – дух из вас вышибу!» Отсидел так два дня, и за забор его навсегда: хромай, мол, отсюда...

Срок жизни «робота» ограничен случаем. Он наступает, как правило, по двум обстоятельствам: по милости командиров, чего не дождешься, и по появлении новых «роботов». Тогда старые освобождаются и вновь переходят в вояки.

Но, как тот недавний отец, есть «роботы» и гражданские. Повар на кухне после обеда стирал в пищевом баке носки. Уже к ужину лишился всех привилегий, получил место в подвале и вместо черпака – швабру с помойным ведром. Девочка, четырнадцать лет, попала в аварию.

На место крушения прибыл наш «Беркут», забрал ее сюда и, пока не едут родители (а им наплевать), определил на кухню в помощницы.

Днем в «Беркуте» бунт на корабле – отказался служить целый взвод, девять бойцов. Бросают форму с оружием, выносят из казармы к воротам вещи. На КПП полный досмотр: не унесли бы ружьишко.

Кто-то из наблюдающей толпы во дворе:

– Это же банда Гапона!

Какое поганое имя – Гапон. Но как символично! Гапон – бунтарь, провокатор!

Сам Гапон стоит весь в гражданском, плюется по сторонам:

– Да по миру лучше пойду, чем жить под вашим копытом!

Всем плюнуть по разу – озеро будет. Но бунт подавлен, зачинщиков – за борт!

– Прощайте! – счастливые, уходят в ворота бойцы.

Мятеж случился в неудобное время – днем, когда по важным причинам отсутствовало высшее руководство: Сочи валялся пьяным, его зам по боевой части Сармат пил за забором, зам по тылу Карабах шерстил в городе, а с бунтарями разбирался – ни вода ни каша – Спец. В итоге всех просто отпустили из отряда.

В полночь пьян-распьян, – сухой закон в республике! – в казарму влетает Сармат. Построение отряда по тревоге. Нас не касается, и я стою далеко в коридоре, слушаю, что несет этот черт.

– Кого еще раз поймаю с перегаром, сам лично тут расстреляю! – орет он, плечистый и молодой, на годящихся ему в отцы. Стволом вниз висит на плече автомат, за ремнем – кобура, разгрузка с гранатами.

Рядом Братишка – его тощая жинка, длинный кол с напаянной на него шевелюрой. Редко такое пугало встретишь. У пугала винтовка СВД и пистолетище – не поднять. Тоже пьяна в стамеску. Хороший такой семейный подряд. Вышли надрать уши нашкодившим ребятишкам.

– Я для вас тут всё делаю, а вы мне на голову срите! Самих вас с пылью смешаю! Кто не верит моему слову, поинтересуйтесь за меня в СБУ!⁴ – Сармат выставляет вперед себя хромую правую ногу. – Вот у нее спросите, у ноги моей!

«Попали из танка», – припоминаю я однажды оброненные Сарматом слова.

– Кто тут Гапона выпустил?! Этот Гапон, я вам говорю, дезертир и предатель! Он уже спятисотился⁵ раз до этого... Кто на посту стоял?! Как они ушли, девять человек?! Я вам говорю: это последний раз, что кто-то ушел! Вы в армии и будете здесь до конца войны! Сейчас перемирие. Сами пришли, а значит, забудьте про дом! И еще... – переходит Сармат к самому важному. – У меня и у Сочи вчера пропало по бутылке «Мартини». Молите бога, чтобы это был кто-то из банды Гапона! Если узнаю про кого-то здесь, я этой крысе ногу во дворе прострелю! Я пьян, но справедлив!

В неподвижном строю молча стоят побежденные. Люди, добровольно пришедшие стоять за республику. А им тут камнем по голове. Да на хрен нужна такая Республика!

После Сармата на сцену является Карабах – маленький, как игрушка, старик.

– Завтра у вас присяга на верность республике. Я старый казак, полковник. Если кто-то здесь в строю считает себя казаком, то вы еще так, говно между пальцами. Учтите, у нас в казачестве к дисциплине очень быстро привыкните. У нас бьют нагайкой. У меня у самого припасена для вас во-о-от такая нагайка, – разводит он высохшими руками. – Ну, кто хочет завтра стать казаком? Выйти из строя!

Тишина. Словно все умерли. Но вот в конце строя неуверенный стук каблуков об пол – раз, два.

⁴ СБУ – служба безопасности Украины.

⁵ «Пятисотый» – трус.

– Так... Я не понял, – шарит глазами в строю Карабах. – А еще двое где? Кто нынче ко мне под – ходил.

Да, что-то после Сармата да после нагайки никто уж не хочет быть казаком.

Карабах отыскал их сам, обоих вывел из строя:

– Что, заробели?

Другие глядят на них как на жертв.

После таких событий я завожу среди россиян поговорки: «роботом» может стать каждый; каждому Гапону – по «Беркуту»; все ерунда, лишь бы в казаки не приняли.

Я как-то спросил про нарукавный шеврон отряда:

– Нам тоже его надевать?

– Если такой наденешь, тебе свои сразу пальцы отрежут, – выразил общие чувства один из России.

Ночью, оставив оружие, сбежали из «Беркута» еще три бойца. Один – из будущих казаков.

Утром на плацу торжественный праздник – присяга – и утро стрелецкой казни – прием в казаки. По двум заголенным спинам ходит нагайкою Карабах. Мы с Ордой наблюдаем.

– Вот бы на видео снять.

– Ага, «Вступайте в армию Новороссии!»

Все ночи, полные огня

Мы осели по двум комнатам и посещаем друг друга. Связист мельтешит почаще других и за два дня сожрал у нас большую весовую коробку конфет. Обограденные, сидим мы на полатах, впустую хлебая чай.

– Конфеты лупить сюда ехал?

– А как вы хотели? Война... – разводит рукам Связь. – Завтра за новой приду, – прощается он у дверей.

Не прошло чаепитие – ночной выезд. Наркоманы ограбили женщину: в поздний час шла домой, остановили, сняли золото, забрали мобильный. Мы прибыли одним экипажем и стоим на проспекте у летней шашлычной. Рядом машина комендатуры, двое бойцов с лейтенантом – вместо милиции, которой фактически нет.

Что-то объясняет муж потерпевшей, говорит, что знает тех наркоманов, называет их адреса. Ехать недалеко и нужно просто их взять. Но – не милиция. Военные. Люди разных мышлений. Был бы наряд ППС, через полчаса наркоши уже лежали бы в отделении, в наручниках и избитые. По другому нельзя. Не доходит до наркоманского сердца самый лютый приговор суда. А удар сапогом в лицо достает до самого дна души.

– В городе много оружия, – мерят боями и фронтами комендачи. – Ночью не стоит. Днем заберем.

«Всё. Глухарь», – мысленно закрываю я уголовное дело.

Выплывает из дворов какой-то военный. Встает на дороге и ловит такси. Пьяный и обе руки до локтей замотаны бинтами. Машет ими, как мумия. По документам – боец «Оплота».

– Домой не могу уехать. А это, – протягивает он перед собой светящиеся во мраке бинты, – собака покусала.

– Железные здесь собаки!

Никогда не видел я таких ран.

Комендантский час. Еще не полночь, не поздно по времени, и тепло – не замерзнешь без куртки. Пусто на улицах. Громадные темные здания вдоль проспекта, большие пятна света от фонарей и мы – молча стоящие в темноте фигуры с оружием.

И содрогаясь, в пластмассу закованы,
Воют в витринах голодные клоуны.
Дико скрежещут их желтые пальцы о бледный порог.
Клоуны бьются, выбраться рады бы —
И провожают жадными взглядами
Длинный багровый трамвай,
Проползающий в ночь, как холодный хот-дог... —

вспоминаю я к месту стишок. Да вот не ходят трамваи.

У шашлычной еще не прошли разборки по грабежу. Покусанный все еще ждет на обочине. А по ту сторону дороги какой-то цыганский табор. Стоят во тьме на автобусной остановке и галдят на всю улицу.

Подходим к ним с Хантом. Два мужика и две женщины. Одна с перехваченной бинтами головой, от бровей до затылка. Просвечивают сквозь белое кровавые красные пятна. Сама пьяная, взгляд блуждающий.

– Ведро с мусором выносила, упала, – объясняет муж, еще трезвый.

Документы у всех в порядке, а бинты на голове, заметно, наложены в больнице верной рукой.

– Идите, – отдаю я им обратно паспорта.

Вторая женщина бросается целовать нам руки:

– Спасители вы наши! Сыночки! Дэнээровцы!..

Мы пятимся скорым шагом назад.

Кто-то позвонил Сочи, и мы уже летим по Донецку. Потрясающий город. Широкие, в ярких огнях магистрали, пустынные по всей длине, красные и голубые рекламы, черная беззвездная ночь и победное торжественное молчание неба. Мы не таким представляли город. Нам говорили, что Донецк сделался Грозным. Нет! Сохранили, отстояли свою столицу шахтеры Донбасса!

На перекрестке проспектов прямо посередине дороги девка, красивая – разобьешься! Одна в пустом городе. Увидела нас, успела состроить глазки, пока мы не пропали на скорости.

– Понимающая деваха попалась! – тронут я за сердце.

Сочи привез нас к коттеджам. Там две машины с группой бойцов.

– Заберете Багиру? – спрашивает кто-то у командира в окно.

К нам с Хантом на заднее сиденье садится Багира – худющая, вся в черном девица. За спиной автомат, в руках снайперская винтовка – наплодило время баб для войны. Бойкая, веселая, с черными волосами, на шее цветные наколки, от самой пахнет волей и водкой. «Анечка... Мы с Анечкой...» – так называет она свою СВД.

Пятизвездочный отель в центре Донецка. В прошлые времена такой рабочий навоз, как мы, вышвырнули бы с крыльца. Но все поменяла народная власть. Багира и пара бойцов поднимаются в номера. Заранее позвонили, заранее заказа – ли места. Платить не нужно. В холле отеля играют в шашки вооруженные ополченцы.

На базе «Беркута» один поздней ночью сидит в курилке Ара-Артур. Завтра уезжает домой и, видно, не спится. Артур бросил Сочи, с оружием сбежал к какому-то Северу, тоже командиру с другой базы нашего «Беркута», что на передовой. Здесь его объявили предателем и постановили: вернуть и обратить в «роботы». Но Артур через сутки явился сам. Был, верно, прощен и не оказался в подвале.

– Что там у Севера? – садимся мы рядом, воспламененные словом «передовая».

– Там тоже делать нечего, – лениво двигается на лавке Артур. – И здесь нечего. Но здесь лучше.

Вот тебе объяснил.

Я молча гляжу в землю и думаю: «Завтра уезжает Артур. Уже не вернется. А так нужно спросить про расстрел КамАЗа. Больше такого случая не будет – услышать из первых уст. Спрашивал у других, но они вечно меняют число живых и убитых». Но я молчу дальше. «Почему? – спрашиваю себя. – Потому... Я же не журналист, – понимаю я истину, – я писатель. Узнавать и расспрашивать не мое дело. Я хорошо вижу мир, а остальное должен домыслить сам. А если не получается домыслить правду, должен молчать». И ухожу, ничего не спросив.

Утром во дворе прощается с нами Артур. Кто-то сказал ему про меня.

– Семь человек нас в КамАЗе том выжило, – протягивает он мне свою пухлую руку.

За базой место для стрельб – поле под терриконом, отвалом отработанной породы из шахт. Мишени – бутылки и банки – висят на проросших в породе деревьях. Одна на всех настоящая стрельбищная мишень. Мы по очереди отстреливаем по магазину, выпускаем по террикону гранаты.

Не кончились стрельбы, еще бьют с правых двух рубежей, а в поле – гражданский. Шныряет туда и сюда с пакетом в руках.

– Гильзы берешь? – окликаю я мужика.

– На цветмет собираю, – не разгибается он.

– Убьют же...

– Нельзя ждать. Другие возьмут.

Днем взорвали в городе кафе Алика – забегаловку у дороги. Да не укропы, дела бизнеса. Здесь еще 90-е не кончились... Два взрыва с перерывом в десять минут. Пострадали два посетителя, оба с ранами попали в больницу. Приехал сам Алик, обошел все кафе, покрутил у виска пальцем, уехал.

Ночью подъем по тревоге. Сочи строит во дворе интернационалистов. Никогда не скажет, куда и зачем. Дурацкая привычка – «Все за мной в полном вооружении!» Едешь всегда с ним, гадаешь: либо в стремя ногой, либо в пень головой.

– Какие задачи, командир? – останавливаю я Сочи.

– Охранять от мародеров груз, – опять ничего не сказал.

Впереди на машине Сочи с двумя нашими, посередине КамАЗ с прицепной платформой, на которой черным исполином катится в ночь старый угольный паровоз – раритетная вещица с какого-то постамента. В конце колонны «газель», в которой мы вооруженной толпой валяемся на желез – ном полу. Никто и не сомневается, что паровоз, хоть Сочи поклялся, что едет к границе на реставрацию, украден им и едет в Россию на черный металл. А мы на самом деле и есть те самые мародеры.

– Приеду домой, расскажу, как в Новороссии украл паровоз, – идут разговоры в салоне.

– Пусть оценят размеры кражи!

– Не сырок в магазине упер!..

В середине пути остановка на старой заправке. Все перепорчено, исковеркано, валяются рваные шланги, прострелены пулями бензоколонки. Рядом автомойка. Разбиты все окна, хрустит под ботинком стекло, свисает со стен оторванное железо. Стол завален грязной мокрой бумагой, на столе электрический чайник. «Полностью цел», – определяет на вид Кострома. Над заправкой полная ночь – ни звезд, ни луны. Не видя друг друга, мы перекликаемся тихими голосами. У самой заправки автобусная остановка, на перроне три металлических стула. Забрали себе в «газель»: они удобны тем, что можно спать и в движении.

Прокатались всю ночь: довезли паровоз до границы, вернулись обратно.

В комнате снимает с себя разгрузку Шайтан:

– А теперь каждому маленькие медальки дадут с паровозиком и надписью: «Воину-интернационалисту от благодарного народа Донбасса!»

После обеда нас будит Находка. Сидит на краю полатей и прибавляет громкость на телевизоре:

– Вставай давай! Гляди, паровоз наш при свете!

На экране в выпуске новостей украденный нами ночью паровоз. «Ну, молодцы пограничники, перехватили!» – мелькнула у меня первая мысль. А диктор за кадром: «В результате удачно проведенной спецназом Новороссии операции сегодня ночью с триумфом вышел из Донбасса в Таганрог самый старый в Донецке паровоз тысяча девятьсот двадцать девятого года... Будет отреставрирован и возвращен...»

Ошиблись мы в «Беркуте». Все спутала ночь: в ней вечно воруют.

На следующий день уезжает на передовую к Северу Находка с группой интернационалистов.

– Хоть на укропов посмотрите, – напутствует их в дорогу Сочи.

Они собираются на неделю, одалживая в двух комнатах теплые вещи: на пороге зима, а у большинства из них нет и бушлатов.

Выезд в Горловку, город на передовой. Центральная трасса из Донецка перекрыта укропами еще со времен летнего отступления. Путь в Горловку обходными лесными маршрутами. Грунтовая в ямах дорога... Желчно-червонный листопадный лес... Прямо на земле меж деревьев синие туристические палатки – сторожевые посты ополченцев. Живут прямо здесь, словно звери, и сами зверя страшней – страшные бородатые лешие из банд Робин Гуда. Но как символ времени на форме, на автоматах повязаны узкие черно-красные ленты – знамя восстания.

На въезде в Горловку вкопаны в землю (торчат лишь стволы) два танка. У дороги табличка «Добро пожаловать в ад!» – приволокли сюда свой Грозный 1995-го и 2000-го ветераны чеченской войны, что по велению сердца снова вернулись в строй.

Снова на базе «Беркута». Ближе к ночи мы сидим в закрытой столовой и с водкой празднуем день рождения Сапожника – двадцать семь никудышных лет. Днем Хант ходил в город и, раскошелившись, приволок закуски на два стола. В собрании все россияне, да лишь прибились к нашему берегу пьяный Сармат с Братишкой, нелепой своей женой. Сочи еще с вечера предупредил по случаю праздника: «Стоять на ногах, завтра идем в наступление!»

– ... Потом армия, после Чечни, – словно подглядел у других, перечисляет Сапог все вехи жизни каждого здесь сидящего. – На гражданке работал грузчиком и таксистом... Думаю вернуться в армию. Только вряд ли возьмут. Рука, вон, сохнет после ранения – тоньше и тоньше с каждым годом, как лист...

– Да... У победителей раны не болят, – подводит черту под нашей жизнью старый Орда.

Наши здесь имена – география великой страны: Орда – огромная грозная Азия, безбожная Дикая степь да горькая полынь половецких полей. Я – сибирская река Ангара, где Сибирь – медвежий угол России, а Ангара – медвежий угол Сибири. Кострома – лапотный город крестьянской Руси, тысячу лет поставлявший солдатчину ко всем горящим границам. Хант – известный народ тайги в стране холодных, нетающих льдов, с голубым пламенем северных полярных сияний. Находка – русский торговый порт, забытый на дальнем берегу востока в Японском море, в историческом заливе Америка... Где-то среди войны бродят интернационалисты Тула и Тверь...

На столе колбаса, салаты, окорочка, сыр, жареная картошка, торт и стряпня. Разливает по стаканам белую горячку Доктор. С женой на коленях сидит Сармат, в черной морской тельняшке, сильный и молодой. Сидит капитаном на корабле и учит нас воевать, перебивая наши чеченские тосты. И пока я один вижу, что перед нами обычная мразь, примазавшаяся к победе.

– Я тоже останусь здесь, как Орда. Я тоже думал и вот все решил, – объявляет нам Хант. – Куплю здесь квартиру, пока война, пока не ушла на седьмое небо цена.

– С чем пирожки? – ковыряется в них Кострома. – Я слышал, в этой столовой пропадают люди...

– А мне три ночи снятся госпиталя. – Верный своей установке – не пить! – я не прикасаюсь к водке. – Лежу весь в бинтах, а из-под них трава тянется. Синяя-пресиняя, как пламя в углях... Я ее дергаю, а она в змей превращается, и змеи на руках виснут...

– Время – два ночи! С утра в наступление! – рывкает на Связиста Орда.

– Всё нормально будет... – тянет старлей из-под скатерти новый пузырь.

Ночью льет дождь. И ходит ходуном город – всю ночь фашисты обстреливают из артиллерии Донецк. Дважды поднимает дежурный отряд – прятаться в бомбоубежище.

Связист один не лег спать и полночи бродил босиком по казарме. Утром Сапожник дал ему имя «Апостол».

– Встал я до ветру, гляжу – по коридору тело в тельняшке плывет... И нимб белый над головой... – так вчерашний именинник хохотал над товарищем.

... Уже прошла пора листопада. Закурились синими дымами, запахи туманами и дурманами погребальные костры осени – гигантские вулканы листвы. Окаменело над городом – не сдвинуть, не разломать, – бесцветное бетонное небо. Потекли на дома полноводные, как реки, дожди, и, весь пробитый снарядами, стал уходить под воду Донецк...

На дне минских болот

В этой главе всего лишь пять дней, взятых произвольно из Минского перемирия осенью 2014 года. Это лишь малый список фашистских преступлений Петра Порошенко и его камарильи.

16 октября

Обстрел городской больницы № 1 в Донецке. В нескольких местах повреждено здание.

Со стороны поселка Авдеевка и поселка Первомайское на протяжении всего дня огонь из артиллерии по Киевскому и Куйбышевскому районам Донецка. Разрушены жилые дома. Снаряды рвались в районе складов химических реактивов. Когда рабочие приступили к ликвидации последствий обстрела, из Песок пошел минометный об – стрел по этим же целям. Погибли двое рабочих и четверо получили ранения.

Из тех же населенных пунктов из танков, реактивных систем залпового огня и минометов обстреляны позиции ополчения на западных окраинах Донецка. Ранено трое бойцов.

Со стороны Трехизбенки и Авдеевки артобстрел украинцами поселка Спартак у Донецкого аэропорта. Погибли два мирных жителя.

Со стороны населенного пункта Дебальцево обстрел «градами» поселка Софиевка. Ранен один мирный житель. Разрушены дома.

Под Мариуполем под обстрел ВСУ попал греческий консул. В селе Сартана украинские силовики расстреляли траурную процессию. Среди погибших – шесть греков. Много раненых, двое из пострадавших в критическом состоянии. Другие госпитализированы в местную больницу с осколочными ранениями.

В Харьков прибыли американские наемники – негры. Ведут себя развязно, устраивают пьяные оргии, чувствуют себя хозяевами на оккупированной территории.

В станице Луганской при проведении карательным батальоном «Айдар» фильтрационных мероприятий пропали без вести семь человек. В ходе поисков в районе песчаного карьера был обнаружен обезображенный труп одной из четырех исчезнувших молодых девушек. Судьба остальных пропавших неизвестна.

В аэропорту Донецка, контролируемого обеими сторонами, укры пошли в лобовую атаку. Десантная рота, около ста пятидесяти бойцов, на технике пыталась взять с ходу позиции ополчения, прорвалась на взлетную полосу, где попала под встречный огонь. А ей в спину ударила своя артиллерия, расшвыряв по взлетке всю роту. На полосе валяются десятки трупов, горит подбитая техника. Ополченцы предложили командирам укропов забрать своих павших: «Бес толково бойцов положили, хоть по-людски схороните!» Один из самых «честных» ответов с той стороны: «Вы всё врете! У нас никто не погиб!» А после укропы объявили режим тишины. Затем, чтоб позвать наблюдателей ОБСЕ и вывезти трупы.

17 октября

Режим тишины особенно исполняется в районе Донецкого аэропорта, куда украинские войска поротно бросают на утилизацию свои подразделения. Идут бои в аэропорту, периодически слышна работа тяжелого вооружения, противник атаковал позиции ополчения со стороны Песок при поддержке артиллерии. По Донецку нацисты применяют тяжелую артиллерию – бьют «тюльпанами» и «градами» со стороны Авдеевки, работают гаубичные батареи. Удары ложатся в район Путиловки, Весёлого, Октябрьского, Киевского.

Напряженная ситуация сохраняется и в районе Горловки. Тяжелые минометные обстрелы жилых кварталов города.

За сутки в ДНР погибли от бомбежки тридцать человек мирного населения – женщины, дети и старики. Более семидесяти ранены и остались инвалидами.

18 октября

Из автоматических станковых гранатометов карателями были обстреляны позиции армии ДНР, расположенные в Никишино. Периодическим огнем из самоходных артиллерийских установок подверглось село Смелое. С огневых позиций в районе кургана Могила Острая с использованием ствольной артиллерии обстреляна станица Петропавловка. Донецк получил сегодня порядка семидесяти снарядов. В течение дня продолжались обстрелы жилых кварталов города с использованием ствольной артиллерии и реактивных систем залпового огня. Огневому налету из «градов» подвергся поселок Докучаевка. Потери среди мирного населения уточняются.

По Макеевке ударили баллистической ракетой «Точка-У» тактического ракетного комплекса. Данных о потерях нет.

Фашисты продолжают перегруппировку своих войск и наращивание сил и средств на всех направлениях.

19 октября

Весь день бомбят Донецк, Горловку и Макеевку. Взрывы слышны в любой точке города. Продолжаются бои в аэропорту. Фашистские ВСУ осаждают снарядами Свято-Иверский женский монастырь, находящийся в аэропорту Донецка, бомбят храмы и строения монастыря. В монастыре находится икона Иверской Божией Матери, имеющей второе название «Вратарница».

В Луганске войска укровермахта перешли в наступление: нацгвардейцы взяли штурмом 32-й блокпост армии Луганской Республики на Бахмутской трассе. Ополченцы, потеряв в живой силе и технике, оставили блокпост. В укроСМИ коварное нападение во время перемирия вышло под победными заголовками и с разъяснениями в статье: «Для обеспечения безопасности от действий пророссийских террористов были проведены рейдовые мероприятия... Освобожден от террористов очередной блокпост». В ответ войска ЛНР взяли в окружение 32-й блокпост, а с ним еще три, загнав в котел около полутора сотен фашистов. Снаружи укры пытаются деблокировать котел, неся значительные потери. Взят в плен командир батальона нацгвардии, уничтожено несколько единиц бронетехники. Успешные боевые действия ведут казаки, отряд командира с позывным «Хулиган» и группа быстрого реагирования Бэтмана.

В Мариуполе – террор украинскими военными мирного населения. Все чаще поступают сообщения об изнасилованиях, включая несовершеннолетних. Была изнасилована восьмиклассница, она поступила в местную больницу с разрывами внутренних органов. Среди населения зреет бунт: местная милиция отказывается принимать заявления от пострадавших, тогда как в больницах находятся десятки изнасилованных женщин.

Трое бойцов нацгвардии Украины сбежали из расположения части и пришли на блокпост к ополченцам ЛНР. Ополченцы приняли перебежчиков в свои ряды.

20 октября

Донецкая Народная Республика

Во исполнение Минских договоренностей войска Украины нанесли по Донецку два ракетных удара «Точкой-У». Ранено около десяти мирных жителей. Первым выстрелом метили в Дом правительства в час, когда шло заседание, да промазали. Вторая ракета упала рядом с «Донбасс Ареной». Взрывной волной с верхнего яруса выдавило несколько секций остекления. Девчушка-подросток бежала спрятаться в подтрибунном помещении, споткнулась, и это ее спасло: металл и стекло рухнули в сантиметрах от головы.

Значительно усилился обстрел Донецка. Ракеты и снаряды падают на город всю ночь. В Макеевке падают ракеты «градов», по ночам слышна пулеметная стрельба и взрывы. На сам Донецк падают «Точки-У» и фосфорные боеприпасы. Попадание в коксохимический завод «Точкой-У».

С утра артиллерия укровермахта нанесла серию ударов по аэропорту и району железнодорожного вокзала. Затем с направления поселка Пески группа нацгадов, усиленная двадцатью единицами бронетехники, предприняла попытку прорыва на территорию аэропорта.

В ходе ожесточенного боя каратели были изрядно потрепаны, большая часть бронетехники повреждена или уничтожена, а сами атакующие отступили.

Продолжаются бои под Бахмуткой и Счастьем. Под напором укров силы ополчения разжимают кольцо на Бахмутской трассе. Обстрелы укрофашистами артиллерией населенных пунктов: Савелевка – «грады»; Марьинка – передвижная группа САУ; Докучаевск – тяжелые минометы; Каменка, Кумшацкое, Круглик и Стрюково – минометы. Разрушены жилые дома. А впереди зима.

На границе обеих республик неизвестные в форме бойцов ЛНР, бригады Мозгового «Призрак», ночью подъехали на скорой помощи к двум блокпостам ополчения ДНР, вырезав полностью два наряда.

Луганская Народная Республика

Новоайдарский район – укроСМИ рапортуют о взятии поселка Крымское «без единого выстрела». Массированный артиллерийский удар карателей по железнодорожной станции Байрачки. Атака с применением бронетехники блокпоста ополчения в районе Новогригоровки. В поселках Златоустовка и Новотроицкое каратели из батальона «Азов» совершили грабежи у местного населения, преимущественно забирали спиртное и продукты питания.

Это – фашисты! Превзошедшие всех смертных в преступных делах. С ними нельзя договариваться. Их ничто не насытит, кроме земли. Их нужно всегда убивать.

«Пристань отчаяния»

Находка со своими бойцами вернулся от Севера через неделю. Вернулся сияющий, как врата рая. С новыми рассказами, как они всыпали укропам, и с документальным видео этого боя; где только слышно, как в поле стучит пулемет? да видно, как с неба приземляются мины, а больше ни черта не понять.

Мы уезжаем следующей партией: я, Доктор, Орда, Сапожник, Связист. Каждый не ходит – летает с вещами от комнаты до машины: а вдруг переменит решение Сочи... Даже старый Орда прыгает на плацу молодым петухом.

И вот мы снова валяемся на полу в салоне «газели», когда Карабах гонит машину к Северу. Казак давно вышвырнул стулья, взятые нами с бензозаправки. В динамиках орет музыка, и изредка из кабины долетают слова Карабаха: «Зарядить оружие!», «Быть готовым на ходу прыгать!», «На предохранитель!»

Далеко позади остался Донецк.

Уже в сумерках мы высаживаемся у огромного особняка с края деревни. Железный, порушенный во многих местах забор, заброшенное хозяйство двора: тракторные колеса, тросы, тазы и бидоны, лопаты и грабли, картофельная ботва, обугленный, с запахом гари пенёк да серый осенний туман над убранном полем.

Карабах выгружает на землю колбасу и консервы, хлеб и патроны – не с пустыми руками пришли. Во дворе в бурых «горках», за плечом автоматы, стоят ополченцы. Сразу выделяется один – в казачьей папахе, с черной завитой бородой, разговорчивый и радушный.

– Японец, – подходит он к каждому и по-особому, принятому лишь на этой войне обычаю протягивает руку, согнутую в локте. – Ну шо, ребята, располагайтесь... Сейчас поужинаете, плов зараз у нас подошел.

– Два к Стоматологу, два здесь у Японца, один к Синему, – делит Орда нашу группу по линии передовой. – Пойдешь к Синему, – отправляет он меня в путь, о котором уже рассказал мне вернувшийся с Находкой Шайтан: «Вот где пропасть!..

Вот где болото!.. Это они там, Находка да остальные, с укропами воевали, а я был у Синего... За горами, за лесами, за черным погорелым лесом жил Синий... Это край мира. Я, знаешь, что слышал там по ночам? Вой Цербера...»

«Значит, к Синему. Куда ворон костей не носил, – думаю я, ругнув Орду черным словом. – Ну, вспомню тебе еще...»

Карабах высаживает меня в полную тьму – не видно рук, поднесенных к лицу. Кто-то впереди зажигает карманный фонарик.

– Откуда?

– От Сочи.

– Иди прямо.

В глаза лезут ветки деревьев. Иду, закрыв ладонью лицо. Прямо во мраке, как вход в другой мир, открывается дверь в небольшую избу. Да не изба – только три на три комната, с телевизором да диваном. На полу настелены одеяла, наглухо закрыто окно, тумбочка – что-то вроде стола. На ней огромный таз жареной рыбы с ломтями хлеба. Сидят перед телевизором трое бойцов.

– Курить – на улицу! – отправляет один другого к дверям. – Я Хомяк, – встает он мне навстречу. – Это Кеша со Шукой. – Он пододвигает мне рыбу: – Бери, ешь. После поговорим...

У рыбы особый невыносимый речной вкус, какой я забыл в последние двадцать лет, покинув деревню. Наловлена местными рыбаками в ставке – небольшом озере. Ходили здесь с удочками, пока не встретились с Синим.

– Много тут ловите? – сразу по делу спросил командир.

– Сетей, вишь, нема... – развели те руками.

Синий приволок из деревни сто метров сетей. Теперь каждый день свежая рыба – хоть жарь, хоть парь.

Раздевшись до пояса, сидит он на деревянном полу – зеленый командир группы, всего четверть века истоптавший травы. «Парень – огонь!» – оценил его душу Японец.

– Почему «Синий»? – спрашиваю я у него. – Пьяный, что ли?

– Да вроде не пью... Но лет пять так зовут, – снимает он берцы.

Прошлой ночью избушку бомбили из минометов укропы. Клали в десяти метрах по навесной. Эти живут тут полмесяца, привыкли, что здесь край земли; днем загорали на солнце и спать ложились в трусах. Вот и под минометами выскакивали из избушки в трусах. Отсиделись в окопах, переждали весь минопад, и нынче что-то никто не спешит раздеваться.

– Теперь только одетым... – залезает в спальник Хомяк. – А ты колбасу-то на гвоздик подвесь, – показывает он мне в потолок. – Мыши упрут. У Шайтана-то вашего в первую ночь унесли. Тожь на столе оставил.

Ночью во всех стенах избушки скребутся мыши. Ночью, как обещал Шайтан, мне снится вой Цербера. Тоскливый, распевный вой голодных собачьих ртов, за избой Синего, на самом краю земли...

– Летят! – распахивает дверь часовой и с маху ударяет по выключателю.

В толкучке (погашена лампа) прыгаем мы в синий провал двери. Откуда-то из темноты бьет по украинским позициям танк. А с тех позиций швыряют по нам летучие мины. Они хорошо свистят в тишине, но падают не на нас, в какой-то дали. А мы сидим в окопах, гадая, когда будет наша. Свою пулю ты не услышишь, а свою мину услышать можно.

Прошла артдуэль, а мы еще ждем по окопам.

– Сколь время? – слышно кого-то.

– Полтретьего.

– Ничего не будет, – точно говорю я. – Чеченцы так же: до двух стреляют, после отбой.

Тоже люди, спать хотят. Или рано утром приходят.

Кончилась ночь.

Я сижу у воды на деревянных настилах пристани, наконец понимая, куда я попал и о чем говорил мне Шайтан. Вот эта пропасть... Вот это болото... Вот эта «Пристань отчаяния», за которую лает Цербер, от которой отчаливает Харон...

Качаются на воде черные мокрые доски, о которые ударяет с разбегу волна, мутно-белая, как лица утопленников. Ползут по берегам ставка холодные речные испарения – непроходимые туманы Стикса. И ледяной ветер гоняет у причала бледные зыбкие тени не заплативших за переправу. А над причалом, расплывшись в тумане, плывет в высоте деревянная изба Синего – пропахший дымом костров, проеденный мышами дворец, обглоданный по краям железными челюстями мин. И осыпаются за дворцом грязные окопы, и ветшают за ними разбитые стены руин – сокрушили камень железные болванки снарядов. И лишь только он, деревянный терем, единственный уцелевший, медленно гниет у воды.

Стояла избушка у берега моря, и жили в ней Рогатый, Щука, Хомяк, Гоша и Кеша, Кум и Куб... И был у них командир Синий... И все имена как специально для этих мест.

Но, вытащенная на камни, брошена у пристани лодка Харона. Нет перевозчика мертвых, ушел сдавать получку за прошлый век.

Я ночью чуть не вышиб глаза: торчат по кругу избы саженцы яблонь. И вот рано утром спиливаю ножовкой весь сад – пять или шесть деревьев. Рядом во дворе у стола возится Синий, достает из снарядных ящиков свиной антрекот – будущий завтрак. По одному – сходить в туалет и умыться – тянутся в двери бойцы. Малость потопчутся – и обратно. Я тоже спускался на пристань, заledenел от воды и от ветра за пару минут. Часовой утренней смены, ответственный за завтрак, раскладывает костер. У огня, швыряя на сковороду ломти свинины, распоряжается Синий. Он сидит в дыму, как ворон на пепелище.

– Нас нынче на праздник позвали: Япона-мать тридцать девять лет прожил. Скоро пойдем.

Праздник на заставе у Стоматолога, в трехэтажном особняке на берегу озера, богатом, словно вчера из него бежал Крез. Во всех комнатах цветные ковры, дорогие одеяла, красивая мебель, окна из пластика, уложенная кафелем кухня, резные шкафы, книги в золоченых обрезах... Всё, чего ты никогда не имел.

– Ну... Залетела ворона в боярские хоромы, – стою я посреди зала в грязных ботинках на бесценном ковре.

Это революция семнадцатого года: мир – хижинам, война – дворцам. И идут после штурма по Зимнему его новые властелины – мятежные матросы Балтики, в черных бушлатах, с красной повязкой на рукаве...

Во дворе в летней кухне пьют красное, на вишне вино восставшие шахтеры Донбасса. На огромной веранде дубовые столы с лавками, и вместо поленьев пылают в камине громадные бревна. Не у костра – у пожара стоим мы, поближе к огню, на весу подливая друг другу вино. Лежит на столах богатая закуска царей: хрен с помидорами, маринованные баклажаны, свежий хлеб, различная солонина, копченая колбаса...

– ... И когда у них бунт был, у этих майдаунов, когда они скакали там, обезьяны, и когда власть после делили у себя в Киеве, я работал еще, – чокается со всеми Японец, бывший шахтер, полный кавалер ордена «Шахтерской славы». – А вот после Одессы понял уже, что нельзя. Я третьего мая последний раз на шахту пришел, отдал заявление. Мне начальник: «Да подожди еще! Всё образуется...» – «Нет, – говорю, – не буду я больше на них работать!» В Славянске я

был, возил на позиции продовольствие, медикаменты из Донецка. Сколько раз хотел бросить. «Не могу, – говорю я бойцам, – баранку вертеть! Возьмите к себе!» А они: «Погоди! Мы в тебе и уверены, что не бросишь, будешь возить, пока не убьют. А знаешь, сколько уже со страха сбежало из тех, на кого мы надеялись? Езжай снова! Каждому назначен свой день». А после уже не возил, ушел в пехоту... Разное было... А вам, ребята, – обращается он ко мне, единственному здесь россиянину (Док и Сапожник еще утром укатили в разведку), – спасибо, что приехали с помощью. Здесь только одно, во что мы все верим, – это Россия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.